ФОНД РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

„Пров 49“

UP D'ETAT EN FINLANDE
ueil sous la rédaction de V. Tchertkoff.
Prix: 2 fr.; 1 sh. 7 d.; 38 cts.; 1 M. 50 Pf.; 75 к.

ФИНЛЯНДСКІЙ РАЗГРОМЪ

Сборникъ

Подъ редакціей В. ЧЕРТКОВА.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА
Продажа
Русскихъ и Польскихъ
Газетъ и Книгъ
J. KLEIDMAN
1, Place de l'EGLISE RUSSE, NI...

Изданіе „Свободнаго Слова“.

Московскаго Губернскаго
БИБЛІОТЕКА
Жандармскаго Управленія

№ 35.

A. Tchertkoff.
Purleigh, Maldon, Essex, England.
1900.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Листки Свободнаго Слова № 13.

Подъ редакціей *В. Черткова.*

Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе безпорядки въ маѣ 1899 г.

ЦѢНА 30 КОП.

Л. ТОЛСТОЙ.

ЖИЗНЬ И УЧЕНІЕ ІИСУСА.

ЦѢНА 25 КОП.

Второе изданіе:

Какъ читать Евангеліе

Л. Н. ТОЛСТАГО.

ЦѢНА 12 КОП.

„Пров 49“

COUP D'ETAT EN FINLANDE
Recueil sous la rédaction de V. Tchertkoff.

ФИНЛЯНДСКІЙ РАЗГРОМЪ

Сборникъ

Подъ редакціей В. ЧЕРТКОВА.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

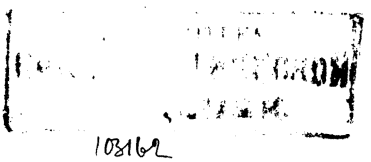
Изданіе „Свободнаго Слова“.

№ 33.

A. Tchertkoff.
Purleigh, Maldon, Essex, England.
1900.

„Пров 38“

„Пров 49“



РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Изъ статьи, помѣщенной въ англійскомъ журналѣ „Nineteenth Century" въ маѣ 1899 г.)

Въ августѣ 1898 г. былъ обнародованъ рескриптъ царя о мирѣ; въ октябрѣ того-же года русское правительство освѣдомило финскій сенатъ о царскомъ предложеніи относительно новаго военнаго законопроекта, согласно которому, между прочимъ, количество военныхъ силъ Великаго Княжества Финляндскаго должно быть увеличено съ 5.600 человѣкъ до 35.000 человѣкъ. 15-го февраля текущаго года обнародованъ указъ, главной цѣлью котораго является уничтоженіе конституціи Финляндіи,—конституціи, основанной на древнихъ, освященныхъ временемъ скандинавскихъ традиціяхъ, и которую торжественно клялись поддерживать поочередно всѣ русскіе властители Финляндіи, не исключая и теперешняго царя. Эти событія, по мнѣнію многихъ, имѣющія лишь мѣстное значеніе, несомнѣнно заслуживаютъ быть занесенными на страницы исторіи. Они знаменуютъ торжество автократическихъ принциповъ Востока надъ конституціонными началами Запада и, хотя бы уже по одному этому, они должны привлечь на себя вниманіе публики.

I.

„Страна тысячи озеръ", какъ поэтически называютъ Финляндію, появляется на сценѣ міровой исторіи, по сравненію съ другими націями, довольно поздно.

Скандинавскіе народы, согласно археологическимъ даннымъ, поселились на южныхъ и юго-западныхъ берегахъ Финляндіи и близъ лежащихъ островахъ приблизительно за 1000 лѣтъ до начала христіанской эры. Нѣсколько позднѣе Финляндія начинаетъ заселяться финскими племенами, а вслѣдъ за ними — лапландскими.

Начало шведскаго вліянія относится къ XII столѣтію, когда король Эрикъ Едвардсонъ предпринялъ (въ 1156 или 1157 гг.) крестовый походъ на Финляндію. Послѣ недолгаго, хотя упорнаго, сопротивленія, финны подчинились и приняли христіанство.

По договору 1323 г. восточная часть Финляндіи была присоединена къ Швеціи. Съ этого времени судьбы Финляндіи были тѣсно связаны съ этой страной. Съ теченіемъ времени Финляндія сдѣлалась нераздѣльной частью королевства шведскаго и получила права на участіе въ законодательствѣ страны. Представители Финляндіи засѣдали въ „Riksdag"-ѣ, и уже въ 1362 г. Финляндія получила право принимать участіе въ избраніи шведскихъ королей. Образованіе, всегда занимавшее почетное мѣсто въ скандинавскихъ странахъ, не было заброшено и въ Финляндіи. Въ ней было основано нѣсколько школъ, построены церкви и монастыри, и, пока въ Швеціи не былъ открытъ университетъ, многіе молодые финляндцы были посылаемы для обученія въ заграничные университеты. На финскомъ языкѣ появились переводы различныхъ книгъ, въ большинствѣ случаевъ религіознаго характера. Такъ, Новый Завѣтъ появился въ финскомъ переводѣ въ 1548 г., а вся Библія въ 1642. Наконецъ, въ 1640 г. въ Або былъ открытъ университетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовенство было облечено извѣстною властью для распространенія элементарнаго образованія, такъ какъ никакое лицо, не обладавшее знаніемъ начатковъ религіи и не умѣвшее болѣе или менѣе бѣгло читать, не допускалось до причастія. Благодаря этому, еще задолго до появленія въ Финляндіи цѣлой сѣти школъ, громадное большинство населенія уже обладало извѣстной степенью грамотности.

Взамѣнъ за благодѣянія культуры, полученныя, благодаря союзу съ Швеціей, Финляндіи приходилось дѣлить съ ней и государственную тяготу. Финляндія, благодаря своему географическому положенію, должна была принимать на себя первые удары всякій разъ, когда, какъ это часто бывало, Россія нападала на свою сосѣдку, и очень часто всѣ военныя дѣйствія происходили лишь на финляндской территоріи.

Но, принимая, такимъ образомъ, участіе въ скорбяхъ и радостяхъ Швеціи, Финляндія въ то-же самое время выработала собственную индивидуальность. Пространство, отдѣлявшее ее отъ Швеціи, а еще болѣе — расовыя отличія являлись причиной извѣстнаго расхожденія и помогли Финляндіи пріобрѣсть ея собственный національный характеръ. Необходимо помнить, что, какъ въ древности, такъ даже и до настоящаго времени, въ Финляндіи существуютъ двѣ національности. Когда Финлян-

дія сдѣлалась частью государственнаго организма Швеціи, шведы, конечно, явились въ ней правящимъ классомъ. Шведскій языкъ былъ языкомъ науки и администраціи, и финны, желавшіе выдѣлиться изъ общей массы народа, должны были обладать знаніемъ этого языка, благодаря чему онъ былъ въ Финляндіи еще до недавняго времени языкомъ высшей культуры. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе браковъ между представителями обѣихъ національностей, культурные классы перестали носить на себѣ признакъ одной національности. Въ низшихъ классахъ происходило то же самое, и дѣятельный, предпріимчивый скандинавскій умъ слился съ созерцательностью и положительностью, свойственными финнамъ.

Въ 1581 г. Іоаннъ III, какъ бы официально признавая индивидуальную особенность Финляндіи, далъ ей титулъ „Великаго Княжества“, а Густавъ Адольфъ въ 1616 г. даже созвалъ отдѣльный финскій „Landtag“.

Благодаря всѣмъ вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, въ финляндцахъ пробудилось сильное чувство національнаго самосознанія.

II.

Ростъ національнаго самосознанія среди финляндцевъ не остался незамѣченнымъ со стороны Россіи. Мысль о завоеваніи Финляндіи всегда занимала умы русскихъ правителей, особенно со времени перенесенія Петромъ Великимъ столицы изъ Москвы на берега Невы. Но упорное сопротивленіе, которое Россія постоянно встрѣчала въ Финляндіи, навело русскую императрицу Елизавету на новую мысль. Въ 1742 г., во время одной изъ многочисленныхъ войнъ Россіи со Швеціей, Елизавета обнародовала манифестъ къ финскому народу, въ которомъ предлагала создать независимое финляндское государство, подъ протекторатомъ Россіи, долженствовавшее служить барьеромъ между Россіей и Швеціей. Императрица рѣшила, что, въ случаѣ непризнанія ея предложенія, она „съ прискорбіемъ“ должна будетъ позволить своимъ войскамъ опустошать Финляндію.

Хотя этотъ манифестъ не произвелъ въ свое время особеннаго впечатлѣнія на финляндцевъ, тѣмъ не менѣе онъ повелъ къ образованію въ Финляндіи небольшой политической группы,

поддерживавшей идею, выраженную въ манифестѣ Елизаветы. Группа эта, когда въ 1787 г. началась новая война между Швеціей и Россіей, вступила въ переговоры съ русскимъ правительствомъ. Но эта конспирація, вызванная, въ сущности, патріотическимъ желаніемъ избавить Финляндію отъ тяжелыхъ послѣдствій войнъ, которыя велись на ея территоріи, не имѣла никакой поддержки со стороны населенія и была вскорѣ подавлена.

Вслѣдъ за этимъ Финляндія въ теченіе 18 лѣтъ наслаждалась полнымъ миромъ, вплоть до новой войны, вызванной Наполеономъ, который во время Тильзитскаго свиданія успѣлъ убѣдить Александра I понудить своего зятя, шведскаго короля Густава IV-го, присоединиться къ „континентальной системѣ“, причемъ Александръ I, въ награду за это, получалъ Финляндію. Въ выполненіи этой задачи Александра I поддерживалъ главный участникъ конспираціи, о которой мы говорили выше, генералъ Спренгпортенъ, находившійся въ это время на русской службѣ. Спренгпортенъ увѣрялъ Александра, что русское нашествіе на Финляндію будетъ, въ сущности, чѣмъ-то въ родѣ „прогулки“, такъ какъ финляндцы сами будутъ рады сдаться. Но дѣло оказалось далеко не такимъ простымъ, и Александру пришлось разочароваться. Онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны Финляндіи, хотя Швеція въ это время почти не оказывала ей никакой поддержки. Кажется, что слабоумный Густавъ IV заранѣе рѣшилъ отказаться отъ Финляндіи. Уже въ 1807 г. шведскій государственный дѣятель Нильсъ фонъ Розенштейнъ сказалъ одному изъ высокопоставленныхъ финляндцевъ, барону Роберту Ребиндеру: „нашъ король имѣетъ свои собственные принципы, онъ никогда не откажется отъ нихъ, и то, что было предсказано 50 лѣтъ тому назадъ, должно теперь совершиться — ваша родина должна подчиниться господству Россіи“.

Сопротивленіе, оказанное финляндцами, и ихъ лойяльность по отношенію къ Швеціи не могли не оказать сильнаго впечатлѣнія на русскаго царя, и онъ издалъ манифестъ, въ которомъ, упомянувъ объ успѣхахъ русскаго оружія и о незначительныхъ средствахъ обороны, которыми располагаетъ Финляндія, онъ просилъ финновъ выслать къ нему для дальнѣйшихъ переговоровъ депутацію отъ четырехъ сословій, составлявшихъ шведскій „Riksdag“. Нѣкоторые избирательные округи Финляндіи отка-

зались выслать своихъ представителей, другіе же выслали, но съ оговоркой, что эти представители не имѣютъ легальнаго права вступать въ договоръ съ царемъ. Но, наконецъ, вслѣдствіе новаго манифеста царя, а также вслѣдствіе полнаго отсутствія помощи со стороны Швеціи, были выбраны легальные депутаты, которые и отправились въ Петербургъ.

Глава депутаціи, баронъ Карлъ Эринъ Маннергеймъ, вручилъ въ Петербургѣ Александру I докладную записку, въ которой было указано, что явившіеся депутаты, согласно основнымъ законамъ, не имѣютъ права вступать въ переговоры и что, вслѣдствіе этого, они просятъ императора о созывѣ сейма. 20-го января 1809 года Александромъ I-ымъ былъ изданъ указъ о созывѣ финляндскаго сейма, который долженъ былъ собраться „согласно законамъ страны".

25 марта 1809 г. произошло открытіе сейма въ Борго, при чемъ Александръ I возсѣлъ „на тронъ Финляндіи" и произнесъ рѣчь, изъ которой мы приводимъ слѣдующую выдержку:

„Я желалъ видѣть васъ, чтобы дать вамъ еще разъ доказательство того, что мои стремленія направлены ко благу родной вамъ страны. Я обѣщалъ поддерживать вашу конституцію и ваши основные законы; ручательствомъ истинности моихъ обѣщаній служитъ настоящее ваше собраніе. Это собраніе сословныхъ представителей будетъ отправнымъ пунктомъ вашего политическаго существованія".

Приводимъ также „Довѣрительный актъ" императора, опубликованный 15 марта:

„Мы, Александръ Первый, и пр. и пр. сообщаемъ во всеобщее свѣдѣніе:

„Вступивъ по волѣ Провидѣнія въ обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, мы за благо сочли *утвердить гиблагословенное нами ціонировать религію и конституцію* края, а равнымъ образомъ права и привилегіи, которыми до сихъ поръ пользовался, согласно конституціи, какъ каждое сословіе, сказаннаго Великаго Княжества вообще, такъ и въ отдѣльности его — высшихъ и низшихъ сословій. Настоящимъ актомъ мы обѣщаемъ поддерживать и хранить крѣпко и нерушимо всѣ эти привилегіи и статуты въ полной ихъ силѣ, въ удостовѣреніе чего мы и приложили нашу руку къ настоящему довѣрительному акту, данному 15 марта 1809 года въ г. Борго".

Библіотека

28 мая сословія принесли присягу на вѣрность, и Александръ I. обратился къ представителямъ сословій съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ :

„Я принимаю съ глубокимъ чувствомъ клятву вѣрности, принесенную мнѣ населеніемъ Финляндіи въ лицѣ ея представителей. Узы, соединяющія меня съ ней, еще болѣе укрѣпились, благодаря этому добровольному доказательству ея привязанности; освященныя *этимъ торжественнымъ актомъ союза*, онѣ сдѣлались болѣе близкими моему сердцу и болѣе соотвѣтственными моимъ принципамъ.

„Обѣщаніемъ поддерживать религію и основные законы страны я хотѣлъ показать значеніе, которое я придаю искреннимъ выраженіямъ любви и довѣрія. Молю Всемогущаго Бога, чтобы онъ даровалъ мнѣ силу и мудрость управлять этимъ достойнымъ народомъ, согласно его законамъ и непоколебимымъ началамъ Вѣчной Справедливости".

Вскорѣ послѣ этой торжественной церемоніи, происходившей въ стѣнахъ древняго собора въ Борго, императоръ Александръ, уже въ качествѣ Великаго Князя Финляндіи, издалъ новый манифестъ, въ которомъ говорилось о присягѣ, принесенной представителями сословій :

. . . „Созывая сословія Финляндіи присутствовать въ занятіяхъ сейма и принявъ ихъ присягу на вѣрность, мы желали при этомъ случаѣ, посредствомъ торжественнаго акта, приготовленнаго въ присутствіи представителей сословій и обнародованнаго въ святилищѣ Всевышняго, подтвердить и обезпечить сохраненіе религіи страны и ея основныхъ законовъ, а равно привиллегій и правъ, которыми, какъ каждое сословіе въ отдѣльности, такъ и все населеніе Финляндіи вообще, до сего времени пользовались".

Таковы главные документы, освящающіе національную автономію Финляндіи подъ верховной властью русскихъ императоровъ. Такимъ образомъ, идея основанія независимаго финскаго государства была оставлена, но Александръ I, повинуясь влеченіямъ своего благороднаго и гуманнаго характера и благодаря своему политическому такту, нашелъ вполнѣ цѣлесообразнымъ создать изъ Финляндіи счастливую націю, искренно привязанную къ своимъ новымъ правителямъ.

Распуская парламентъ въ Борго, Александръ I сказалъ между прочимъ :

„Этотъ храбрый и вѣрноподданный народъ возблагодаритъ пути Провидѣнія, приведшіе его къ настоящему положенію дѣлъ. Поставленный, съ настоящаго времени, въ первые ряды націй, управляемый согласно своимъ законамъ, онъ будетъ вспоминать о своихъ прежнихъ правителяхъ развѣ лишь съ цѣлью укрѣпить дружескія отношенія, когда они, благодаря миру, будутъ возстановлены".

Императоръ, конечно, вполнѣ ясно сознавалъ, что, являясь въ Россіи самодержцемъ, въ Финляндіи онъ обладалъ лишь правами конституціоннаго монарха. Значеніе основныхъ законовъ страны, ограничивающихъ власть правителя, было еще разъ указано императору, прежде чѣмъ онъ подписалъ „Довѣрительный актъ", и въ обнародованныхъ затѣмъ при Александрѣ I государственныхъ актахъ онъ явственно упоминаетъ о „конституціи". Приведемъ для примѣра цитату изъ императорскаго указа 15 марта 1810 г.:

„Съ того момента, какъ судьбы Финляндіи, по волѣ Провидѣнія, были вручены намъ, нашимъ стремленіемъ было управлять этой страной, согласно съ привилегіями и правами, гарантированными ей ея *конституціей* . . . Все, что бы мы ни предпринимали съ настоящаго времени по отношенію внутренней администраціи страны, будетъ являться слѣдствіемъ или дополненіемъ этой основной идеи. Поддержаніе религіи и законовъ, созывъ сословій на сеймъ, учрежденіе государственнаго совѣта изъ среды націи и неприкосновенность судебной и административной власти представляютъ достаточныя доказательства признанія политическаго существованія финской націи и правъ, отсюда вытекающихъ".

Очевидно также, что императоръ считалъ такое отношеніе къ Финляндіи обязательнымъ не только для себя, но и для своихъ наслѣдниковъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ указа, вышедшаго въ 1816 году, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

„Настоящимъ мы желали какъ, съ одной стороны, выяснить принципы, которыми мы будемъ руководиться по отношенію къ нашимъ финскимъ подданнымъ, такъ равно, съ другой стороны, подтвердить *на вѣки* данную нами гарантію, относительно сохраненія ихъ отдѣльной конституціи, какъ во время царствованія нашего, такъ и нашихъ наслѣдниковъ".

III.

Не останавливаясь, за недостаткомъ мѣста, подробно на политическихъ учрежденіяхъ Финляндіи, мы лишь вкратцѣ отмѣтимъ ихъ наиболѣе характерныя черты.

Главнымъ правительственнымъ органомъ является сенатъ, члены котораго назначаются императоромъ изъ числа финляндскихъ подданныхъ. Сенатъ имѣетъ право издавать отъ имени императора административные циркуляры по вопросамъ меньшей важности; сенату-же принадлежитъ право подвергать на разсмотрѣніе сейма мѣры, предлагаемыя императоромъ, и высказывать свое мнѣніе относительно законопроектовъ, одобренныхъ сеймомъ. Сенатъ имѣетъ двухъ вице-президентовъ. Президентомъ сената является генералъ-губернаторъ, русскій по происхожденію, который въ то же время и главнокомандующій финляндской арміей.

Всѣ вопросы, требующіе утвержденія императора, представляются ему черезъ посредство особаго министра-секретаря Финляндіи, финляндскаго подданнаго и имѣющаго резиденцію въ Петербургѣ.

Финляндскій сеймъ, согласно старымъ шведскимъ традиціямъ, состоитъ изъ представителей четырехъ сословій — дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянства. Дѣла сейма ведутся, такимъ образомъ, въ четырехъ палатахъ, при чемъ представители каждаго сословія обладаютъ равной властью и авторитетомъ. Для того, чтобы какой-либо законопроектъ прошелъ, онъ долженъ получить одобреніе трехъ палатъ, за исключеніемъ случая измѣненія основныхъ законовъ, когда необходимо согласіе всѣхъ четырехъ палатъ сейма. Право созванія сейма, согласно шведской конституціи во время уступки Финляндіи Россіи, зависитъ исключительно отъ воли государя, и Александръ I созывалъ сеймъ лишь однажды въ Борго въ 1809 г. Его наслѣдникъ, Николай I, совсѣмъ не созывалъ сейма, но, тѣмъ не менѣе, добросовѣстно поддерживалъ автономію страны и съ почтеніемъ относился къ учрежденіямъ, хранить которыя онъ поклялся.

Со вступленіемъ на престолъ въ 1855 года Александра II начинается новая эра финляндской исторіи. Этотъ монархъ созвалъ въ 1863 г. сословный сеймъ, который былъ открытъ

имъ лично. Упомянувъ въ своей рѣчи о „поддержаніи принциповъ конституціонной монархіи, столь согласныхъ съ древними обычаями финскаго народа, всѣ законы и учрежденія котораго носятъ отпечатокъ этихъ принциповъ“, императоръ заявилъ о своемъ намѣреніи даровать сейму права болѣе обширныя, по сравненію съ тѣми, которыми послѣдній обладалъ до сихъ поръ. Обѣщаніе это было выполнено изданіемъ „Закона о сеймѣ“, который былъ обнародованъ въ качествѣ основного закона въ 1869 г. и главной основной чертой котораго является то, что созывъ сейма не зависитъ отъ доброй воли монарха, а долженъ происходить періодически, такъ чтобы сословія собирались по крайней мѣрѣ 1 разъ въ 5 лѣтъ. Съ 1882 г. сеймъ фактически собирается каждые три года. Компетенція сейма была еще болѣе расширена Александромъ III, даровавшимъ ему права законодательной иниціативы. Прежде сеймъ могъ обсуждать лишь законопроекты, предложенные правительствомъ, хотя, впрочемъ, каждый членъ сейма обладалъ правомъ подавать петиціи, которыя сеймъ рекомендовалъ правительству, какъ основаніе для дальнѣйшихъ предложеній.

Первый толчекъ развитію національнаго самосознанія, о которомъ мы говорили выше, былъ въ сущности данъ еще самимъ императоромъ Александромъ I, точнѣе — его фразой о томъ, что Финляндія является страной „placé désormais au rang des nations“. И, дѣйствительно, финляндцы, сохраняя дружественныя чувства къ своимъ бывшимъ соотечественникамъ шведамъ, поняли, что они должны сконцентрировать свои усилія на развитіи рессурсовъ собственной страны. „Мы болѣе не шведы“, — сказалъ одинъ молодой финляндскій политикъ въ началѣ текущаго столѣтія, — „русскими мы не можемъ быть, слѣдовательно, мы должны быть финляндцами“.

Значительно также способствовали развитію національнаго самосознанія патріотическія произведенія поэта Рунеберга и быстрый ростъ національной финской литературы, выразившейся въ размноженіи финской прессы и офиціальнаго признанія финскаго языка равноправнымъ со шведскимъ. Въ срединѣ настоящаго столѣтія финскій языкъ, на которомъ собственно говорили лишь низшіе классы, пріобрѣлъ себѣ защитниковъ и сторонниковъ среди образованныхъ классовъ. Этому, въ особенности, способствовало опубликованіе Калевалы, вызвавшей

удивленіе всего ученаго міра. Съ этихъ поръ открываются гимназіи, въ которыхъ преподаваніе происходитъ на финскомъ языкѣ; ихъ теперь столько, сколько и тѣхъ гимназій, гдѣ преподаваніе совершается по-шведски. Является періодическая пресса (теперь издается около 120 газетъ на финскомъ языкѣ), много лекцій въ университетѣ читается по-фински, — однимъ словомъ, финскій языкъ принимаетъ то же значеніе, что и шведскій. Въ движеніи этомъ, надо имѣть въ виду, участвовали не одни финны, но — что очень важно — весьма вліятельные, образованные люди шведскаго происхожденія. Правда, это уравненіе не обошлось безъ нѣкоторой борьбы, поведшей даже къ образованію двухъ политическихъ партій: финномановъ и шведомановъ, но, тѣмъ не менѣе, борьба этихъ партій носила чисто культурный характеръ и послужила лишь на благо странѣ, побуждая къ благородному соревнованію на полѣ народнаго образованія, при чемъ правительственныя мѣропріятія въ области народнаго образованія никогда не были диктуемы партійной борьбой и отличались строго безпристрастнымъ характеромъ.

Движеніе въ пользу народнаго образованія можетъ служить прекраснымъ образчикомъ господствующаго въ Финляндіи духа, а также того демократическаго направленія, которое привело къ такимъ прекраснымъ результатамъ. Теперь вы не найдете въ Финляндіи прихода, въ которомъ бы не было одной или болѣе школъ, и хотя обязательное образованіе не введено, въ силу нѣкоторыхъ географическихъ условій страны, но тѣмъ не менѣе всякая сельская община обязана имѣть школу.

Приведенные нами факты могутъ служить яснымъ доказательствомъ того, какія тѣсныя узы связываютъ высшіе классы финляндскаго общества съ такъ называемыми низшими классами. Эти же факты вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить наглядымъ опроверженіемъ обвиненій, часто появляющихся въ русской реакціонной прессѣ и заключающихся въ томъ, что автономное положеніе Финляндіи поддерживается якобы лишь кликой сепаратистовъ, „шведскихъ бароновъ“. Несомнѣнно, что шведская часть населенія Финляндіи, представляя изъ себя высшую интеллигенцію страны, сражается въ первыхъ рядахъ, отражая нападенія русскаго правительства; справедливо также и то, что шведская пресса въ Финляндіи говоритъ болѣе смѣлымъ

языкомъ, чѣмъ финская, но это можно объяснить бо́льшей степенью отважности, свойственной шведамъ, какъ и вообще всѣмъ скандинавскимъ народамъ. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что финны согласны безропотно подчиняться ярму руссификаціи, такъ какъ всѣ финны, кончая послѣднимъ крестьяниномъ, совмѣстно съ своими шведскими братьями, чрезвычайно высоко цѣнятъ связывающія ихъ узы гражданства, ихъ родную обѣимъ націямъ страну и конституціонныя права, которыя равно принадлежатъ всѣмъ классамъ общества, „какъ высшимъ, такъ и низшимъ“. Сравненіе, часто проводимое въ тѣхъ же реакціонныхъ органахъ, между прибалтійскими провинціями и Финляндіей, также лишено всякаго основанія. Въ Финляндіи совершенно отсутствуютъ тѣ феодальныя условія, которыя господствуютъ въ вышеназванныхъ провинціяхъ, такъ какъ Финляндія, подобно Швеціи и Норвегіи, можетъ похвалиться свободнымъ, независимымъ и интеллигентнымъ классомъ крестьянъ-собственниковъ, обрабатывающихъ собственную землю. Финляндская статистика показываетъ, что въ то время какъ дворянство владѣетъ 406.246 гектарами поземельной собственности, а духовенство лишь 245.246 гектарами церковныхъ земель, — 21.653.871 гектаръ принадлежитъ остальному населенію, незначительное количество котораго представляютъ фермеры — дворные, а громадное большинство — *крестьяне*. Въ Финляндіи нѣтъ крупныхъ богачей, но за то тамъ неизвѣстна и вопіющая нищета. Народонаселеніе трудолюбиво и поощряется въ своемъ трудолюбіи правительствомъ; торговля, промыслы и земледѣліе дѣлаютъ Финляндію процвѣтающей страной, насколько, конечно, это позволяетъ суровый климатъ и безплодная почва. Но мы, финляндцы, по горькому опыту, знаемъ, что самый многообѣщающій урожай можетъ погибнуть, благодаря одной морозной ночи.

IV.

Около пятнадцати лѣтъ тому назадъ реакціонная партія въ Россіи начала, при помощи цѣлаго ряда газетныхъ и журнальныхъ статей, брошюръ и книгъ, ожесточенную атаку противъ автономіи и привилегій Финляндіи. Трудно сказать, какими именно мотивами руководились враги свободы Финляндіи, а всякаго рода предположенія мы считаемъ излишними въ настоящей

статьѣ, посвященной изложенію дѣйствительныхъ фактовъ. Какъ бы то ни было, эта партія начала отрицать существованіе конституціонныхъ правъ въ Финляндіи и подстрекать русское правительство — уничтожить финляндскія привилегіи. Нѣкоторыя мѣры въ этомъ направленіи были уже предприняты въ царствованіе Александра III, но онѣ не коснулись существенныхъ частей финляндскихъ учрежденій, и лишь зима текущаго года принесла съ собой холодное дыханіе, грозящее уничтожить благополучіе страны.

Первымъ ударомъ, обрушившимся на страну, было царское предложеніе о новомъ военномъ законѣ, которое было предложено на обсужденіе сословій, созванныхъ въ январѣ текущаго года на экстраординарный сеймъ. Предложеніе о созывѣ сейма было сдѣлано въ іюлѣ 1898 г., т. е. прежде чѣмъ царскій манифестъ о мирѣ сдѣлался извѣстнымъ. Въ октябрѣ предложеніе было послано въ сенатъ и вскорѣ послѣ этого сдѣлалось извѣстнымъ въ общихъ чертахъ публикѣ.

Согласно военному закону 1878 г., воинская повинность была введена въ краѣ съ цѣлью образованія финляндской арміи, предназначенной для защиты страны и долженствующей находиться подъ командой финляндскихъ офицеровъ, съ своимъ собственнымъ штабомъ и подчиняющейся въ послѣдней инстанціи генералъ-губернатору, который, „командуя русскими войсками, могущими быть расположенными въ Финляндіи, является главнокомандующимъ финляндской арміей“. Количество постояннаго войска ограничивается 5.600 чел. Чтобы пополнить это число, 1920 чел. назначается изъ общаго количества 8.000 чел. призываемыхъ молодыхъ людей, годныхъ къ отбытію воинской повинности. Назначеніе происходитъ посредствомъ баллотировки, вслѣдъ за которой попавшіе въ число 1920 душъ немедленно приступаютъ къ отбыванію воинской повинности и служатъ на дѣйствительной службѣ три года, по истеченіи которыхъ они перечисляются на два года въ резервъ, а вслѣдъ за тѣмъ, до достиженія сорокалѣтняго возраста, числятся въ милиціи. Остальные (изъ общаго числа 8.000 всѣхъ призываемыхъ) зачисляются на пять лѣтъ въ резервъ и въ теченіе трехъ лѣтъ подвергаются военному обученію, срокъ котораго не превышаетъ въ общей сложности девяноста дней.

Въ проектѣ новаго военнаго закона предлагается, чтобы не

менѣе 7.200 чел. (изъ общаго числа 8.000 чел.) подвергались отбытію въ теченіе пяти лѣтъ дѣйствительной военной службы, вслѣдъ за тѣмъ они должны будутъ въ теченіе тринадцати лѣтъ числиться въ резервѣ и, наконецъ, попрежнему, до сорокалѣтняго возраста въ милиціи. Тѣмъ не менѣе, армія въ самой Финляндіи не будетъ увеличена, такъ какъ 5.280 чел. (изъ 7.200) поступающихъ, согласно новому закону, къ отбытію дѣйствительной службы, будутъ посылаемы за границы своей родной страны, въ Россію, на 5 лѣтъ. Въ общей сложности (1920 чел. мѣстной финляндской арміи и 5280 чел., посылаемыхъ въ Россію) количество арміи*) должно быть исчислено въ 36.000 человѣкъ. Это громадное увеличеніе финляндской арміи, конечно, потребуетъ соотвѣтственнаго увеличенія расходовъ и въ то же время непосредственно лишитъ страну громаднаго количества рабочихъ рукъ, такъ необходимыхъ въ странѣ, гдѣ земля приноситъ плоды лишь послѣ затраты тяжкаго труда на ея обработку. Кромѣ того, новый законъ побудитъ молодыхъ людей къ эмиграціи въ Америку, что не можетъ не отозваться на экономическомъ положеніи страны.

Далѣе, — въ новомъ военномъ законѣ предлагается, чтобы русскіе офицеры съ настоящаго времени имѣли равное съ финляндцами право на службу въ рядахъ финляндской арміи, что противорѣчитъ основнымъ законамъ страны (См. § 10-й „Формы правительства“ 1772 г., § 1-й „Акта союза“ 1789 г., и § 120-й „Военнаго закона“ 1878 г., составляющаго одинъ изъ тѣхъ 14-ти параграфовъ этого закона, которые признаны въ качествѣ „основныхъ законовъ“). Финляндскій военный штабъ долженъ быть уничтоженъ, и армія фактически переходитъ въ завѣдываніе русскихъ военныхъ властей.

Когда содержаніе новаго закона сдѣлалось извѣстнымъ въ Финляндіи, громадное большинство населенія еще не теряло надежды. Оно видѣло во всемъ этомъ лишь новую попытку со стороны русскаго правительства отмѣнить „финляндскія привилегіи“ и считало эту попытку результатомъ давно извѣстной по отношенію къ финляндской автономіи ненависти, питаемой такими людьми, какъ Побѣдоносцевъ, военный министръ Куропаткинъ и новый финляндскій генералъ-губернаторъ генералъ Боб-

*) За пятилѣтній періодъ дѣйствительной службы.

риковъ. Но населеніе вѣрило, что самъ царь, посылая законопроектъ на разсмотрѣніе сейма, лишь поддался давленію своихъ совѣтниковъ и отнесется съ уваженіемъ къ резолюціи сейма относительно этого законопроекта. Это довѣріе къ императору и великому князю имѣло двойное основаніе. Во-первыхъ, финляндскій народъ не могъ повѣрить, чтобы царь рѣшился на громадное увеличеніе арміи въ Финляндіи въ то самое время, когда имъ былъ изданъ манифестъ о мирѣ, въ которомъ онъ убѣждалъ другія державы приступить къ уменьшенію расходовъ на вооруженіе. Во-вторыхъ, такъ какъ нѣкоторыя статьи законопроекта угрожали автономіи Финляндіи, вѣра финляндскаго народа въ царя была непоколебима, — вѣдь онъ клялся „поддерживать и признавать религію, основные законы и тѣ права и привилегіи, какъ каждаго сословія великаго княжества въ отдѣльности, такъ и всѣхъ его обитателей, какъ высшихъ такъ и низшихъ классовъ вообще, которыми они пользовались, согласно конституціи этой страны“.

Поэтому гораздо болѣе гнетущее впечатлѣніе было вызвано манифестомъ царя отъ 3 февраля, сущность котораго заключается въ слѣдующей выдержкѣ:

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ финляндскаго края относящихся, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общегосударственнаго законодательства“.

Всѣ подобные вопросы, о которыхъ упомянуто въ манифестѣ, будутъ впредь, какъ это видно изъ документа, обнародованнаго одновременно съ манифестомъ и озаглавленнаго: „Основныя положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго“, разрѣшаться русскимъ государственнымъ совѣтомъ, послѣ сообщенія о нихъ финляндскимъ властямъ „съ цѣлью узнать ихъ мнѣніе“. Такимъ образомъ сеймъ, обладавшій до настоящаго времени дѣйствительной законодательной властью, теперь уполномочивается лишь высказывать свое мнѣніе, и его значеніе низведено до степени совѣщательнаго учрежденія.

Эти громадной важности документы были обнародованы съ нарушеніемъ порядка, предписываемаго основными законами, говорящими, что „король“ (т. е. послѣ 1809 г. „Императоръ и

Великій Князь) „не долженъ обнародовать новый законъ или отмѣнять прежній безъ вѣдома и согласія сейма“ и далѣе: „основные законы могутъ быть обнародованы, измѣнены, интерпретированы или отмѣнены лишь по предложенію Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій“. Такимъ образомъ уже самое появленіе ихъ является нарушеніемъ конституціи, а введеніе ихъ отнимаетъ у финляндскаго народа права, обладаніе которыми было торжественно признано за нимъ. Вѣдь въ сущности говоря, мало найдется вопросовъ, которые не могли бы быть причислены къ вопросамъ, „касающимся общегосударственныхъ потребностей“ или „находящихся въ связи съ законодательствомъ имперіи“ (см. „Основныя положенія о составленіи“ и т. д., § 2). Въ то же время эти вопросы могутъ представлять громадную важность для національной жизни Финляндіи и для характерной культуры этой страны, культуры, основанной на идеяхъ Запада, которой населеніе Финляндіи пользовалось въ теченіе многихъ столѣтій и которая всосалась въ плоть и кровь народа.

Тщетно Финляндскій народъ аппелировалъ къ своему властелину, котораго онъ привыкъ считать верховнымъ охранителемъ своихъ законныхъ правъ.

Финляндскій сенатъ, рѣшительно отказавшійся обнародовать новые акты, такъ какъ они были составлены внѣзаконнымъ путемъ, подалъ царю чрезъ статсъ-секретаря Финляндіи почтительный протестъ, въ которомъ просилъ поясненія, что манифестъ царя не имѣетъ въ виду ограниченія конституціонныхъ правъ финляндскаго народа. Царь отвѣтилъ на это, что протестъ не будетъ принятъ во вниманіе, и не будетъ сдѣлано никакихъ новыхъ поясненій. Вице-президентъ сената и генералъ-прокуроръ, въ качествѣ высшихъ юридическихъ авторитетовъ Финляндіи, отправились отъ имени сената въ Петербургъ, но царь отказался принять ихъ. Та же участь постигла предсѣдателей четырехъ палатъ сейма. Наконецъ, народъ, видя, что попытки его высшихъ чиновниковъ безуспѣшны, рѣшился послать въ Петербургъ грандіозную депутацію. Каждая община Финляндіи избрала одного представителя. Представители всѣхъ общинъ должны были вручить царю адресъ, покрытый 500.000 подписей, т. е. $^1/_5$ части всего населенія Финляндіи, или, точнѣе, $^1/_2$ всего взрослаго населенія страны. Въ газетахъ уже сообщено

о судьбѣ этой гигантской петиціи къ самодержцу и о томъ, какъ генералъ-губернаторъ примѣнилъ къ депутаціи статутъ 1826 г., по которому депутаціи къ императору должны получить предварительное разрѣшеніе финляндскаго губернатора. Между тѣмъ, этотъ статутъ относится лишь къ мѣстнымъ депутаціямъ по поводу общинныхъ дѣлъ, но даже и въ немъ ясно сказано, что императоръ можетъ принять любую депутацію, разъ онъ признаетъ ее заслуживающей этого. Такъ что это обстоятельство не могло служить дѣйствительнымъ препятствіемъ для пріема депутаціи, но теперешній финляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ Бобриковъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы затруднить непосредственное общеніе финляндскаго народа съ его монархомъ. Этотъ чиновникъ, ранѣе принимавшій дѣятельное участіе въ руссификаціи Прибалтійскихъ губерній, занялъ свой постъ лишь прошлой осенью, но, несмотря на такой короткій срокъ, онъ уже успѣлъ пріобрѣсть въ Финляндіи извѣстность, которой едва ли кто-либо позавидуетъ. Онъ, между прочимъ, пытался заставить финляндскій сенатъ издать циркуляръ ко всѣмъ губернаторамъ провинцій съ поясненіемъ, что манифестъ царя не содержитъ въ себѣ ничего нарушающаго конституціонныя права Финляндіи. Сенатъ, конечно, отказался сдѣлать это, и генералъ-губернаторъ былъ принужденъ послать циркуляръ губернаторамъ отъ своего имени (напечатавъ его въ официальной финляндской газетѣ отъ 12 апрѣля); въ циркулярѣ этомъ онъ ограничился указаніемъ на то, что манифестъ никоимъ образомъ не нарушаетъ правъ финляндскаго народа, которыя признаны за нимъ „Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 25 октября 1894 г.“, сославшись такимъ образомъ на клятвенное обѣщаніе императора. Этому генералъ-губернаторскому циркуляру, также уже опубликованному въ англійской прессѣ, въ Финляндіи не придаютъ никакого значенія, такъ какъ онъ не заключаетъ никакихъ поясненій и лишь повторяетъ выраженіе манифеста, значеніе котораго можетъ быть измѣнено лишь прямымъ заявленіемъ самого царя.

Циркуляръ генералъ-губернатора предназначался для успокоенія взволнованнаго населенія Финляндіи. Но подобная мѣра, конечно, не можетъ принести никакой пользы, и генералъ-губернаторъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы онъ позаботился объ устраненіи нѣкоторыхъ гнусныхъ пріемовъ, практикуемыхъ теперь

въ различныхъ мѣстностяхъ Финляндіи. Такъ напр., когда собирались подписи для массоваго адреса царю, русскіе и татарскіе разносчики, появившіеся въ Финляндіи, убѣждали населеніе не подписываться подъ адресомъ, угрожая, что, въ противномъ случаѣ, виновные рискуютъ понести жестокое наказаніе. Что эта угроза имѣла нѣкоторое основаніе, лучше всего убѣждаетъ тотъ фактъ, что генералъ-губернаторъ дѣйствительно пытался черезъ русскихъ жандармовъ узнать имена лицъ, ведшихъ агитацію въ пользу адреса, съ цѣлью подвергнуть ихъ наказанію, какъ смутьяновъ, нарушающихъ спокойствіе страны.

Конечно, всѣ эти махинаціи оказались совершенно безполезными. Тогда русскіе агенты изобрѣли новый способъ. „Разносчики“ обратили свое вниманіе на бѣднѣйшіе классы населенія (тщательно избѣгая крестьянъ-землевладѣльцевъ) и стали рисовать предъ бѣдняками картины того благополучія, которое ихъ ожидаетъ, если будутъ введены „русскіе законы“, такъ какъ тогда, дескать, вся земельная собственность и другое имущество будутъ раздѣлены между всѣми поровну. Одновременно съ этимъ, они убѣждали народъ подписываться подъ какой-то бумагой, содержаніе которой они, впрочемъ, колебались читать, предлагая за подписаніе этой „неудобочитаемой“ бумаги деньги и не останавливаясь даже передъ тѣмъ, чтобы заставлять дѣтей подписывать подъ бумагой ихъ имена и имена ихъ родителей. Сенатъ разослалъ циркуляръ ко всѣмъ провинціальнымъ губернаторамъ, въ которомъ предписывалъ имъ тщательно слѣдить за подобными „разносчиками“, въ сущности даже не имѣющими законнаго права на разносную торговлю въ Финляндіи и для которыхъ торговля является лишь фальшивымъ предлогомъ. Нѣкоторые изъ этихъ разносчиковъ уже посажены въ тюрьму; другіе тяжко пострадали отъ рукъ тѣхъ, къ кому они обращались съ своими предложеніями. Но генералъ-губернаторомъ до сихъ поръ не сдѣлано никакой попытки прекратить эти гнусныя продѣлки.

Одно изъ первыхъ послѣдствій манифеста касается занятій настоящаго сейма. Въ половинѣ апрѣля сейму было сообщено, что императоръ одобрилъ предложеніе военнаго министра, заключающееся въ томъ, что военный законопроектъ, находящійся на разсмотрѣніи сейма, долженъ быть признанъ „имѣющимъ общегосударственное значеніе“ и, согласно этому, долженъ быть кодифицированъ въ порядкѣ, указанномъ въ манифестѣ 15-го фев-

раля 1899 г., т. е. что финляндскій сеймъ можетъ лишь высказать свое мнѣніе о немъ.

Остается лишь положиться на благоразуміе и добрую волю царя, отъ котораго зависитъ согласиться съ мнѣніемъ финляндскаго сейма или съ совѣтами его русскихъ министровъ. Даже въ настоящее время довѣріе къ царю настолько сильно, что у финляндцевъ еще не исчезла надежда на то, что царь выберетъ первый изъ этихъ выходовъ; по общему мнѣнію, если бы царю было извѣстно дѣйствительное положеніе дѣлъ, онъ бы возстановилъ конституціонныя права Финляндіи.

І. Н. Рейтеръ.

ЦАРСКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Изъ статьи, помѣщенной въ англійскомъ журналѣ „Fortnightly Review“ въ маѣ 1899 г.)

Недавняя попытка царя лишить финляндцевъ ихъ освященныхъ временемъ правъ, которыя онъ, подобно своимъ предшественникамъ, торжественно клялся, при восшествіи на престолъ, хранить и защищать, вызвала бурю негодованія у всѣхъ друзей свободы въ Англіи и болѣзненно смутила тѣхъ наивныхъ энтузіастовъ, которые, увлекшись царскимъ манифестомъ о разоруженіи, ублажали себя мыслью, будто въ лицѣ самодержца всея Россіи они, наконецъ, обрѣли долго жданнаго миротворца вселенной. Исторія финскаго coup d'état уже передана ежедневной прессой. Я — ни руссофобъ, ни финноманъ. Тѣмъ не менѣе нельзя одобрить стремленія Россіи искоренить, во имя будто бы цивилизаціи, систему болѣе высокой политической культуры, до которой она сама еще не доросла, — какъ она это старается теперь сдѣлать въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ — этомъ скудно одаренномъ, но энергическомъ разсадникѣ Западныхъ идей и Западной культуры, который вполнѣ заслуженно пользуется репутаціей самой интеллигентной и прогрессивной части обширной Имперіи, въ составъ которой онъ входитъ.

Въ теченіе болѣе двухъ столѣтій (съ 1587 г.) финляндцы пользовались политической свободой. За все долгое время своего дружественнаго союза со шведами они регулярно посылали своихъ

представителей въ Шведскій Риксдагъ, или Имперскій Парламентъ; послѣ же занятія Финляндіи русскими войсками въ 1808 г. царь Александръ I оставилъ за финляндцами ихъ старую конституцію. Еще до того, какъ былъ заключенъ со шведами миръ, императорскимъ указомъ отъ 1-го февраля 1809 г. созванъ былъ въ Борго на утро 22-го марта Сеймъ, или Національный Парламентъ, „согласно конституціи страны“, и 27-го марта въ Борго явился самъ царь и тутъ же подписалъ Гарантію правъ, обращенную ко всѣмъ жителямъ Финляндіи.

На слѣдующій день (28-го марта) была формально открыта первая сессія перваго финскаго Сейма. Весь ходъ дѣлопроизводства въ Сеймѣ былъ точно скопированъ со Шведскаго Риксдага, и всѣ четыре сословія (дворянство, духовенство, горожане и крестьяне) принесли должную присягу на подданство Александру I-му, какъ своему законному Великому Князю. Затѣмъ былъ выслушанъ и утвержденъ всѣми сословіями вышеупомянутый Актъ, и такимъ образомъ политическое соединеніе Финляндіи съ Россіей получило окончательную санкцію сейма. Два года спустя (въ 1811 г.) великому княжеству были возвращены принадлежавшія ему нѣкогда юго-восточныя части старой Финляндіи, уступленныя Россіи Швеціей въ 1721 г. и вторично въ 1743 г., и входившія до 1811 г. въ составъ другихъ русскихъ губерній, и онѣ съ тѣхъ поръ стали пользоваться всѣми конституціонными привилегіями прочаго Великаго Княжества. Этотъ актъ возвращенія, или воссоединенія, былъ самъ по себѣ краснорѣчивымъ косвеннымъ признаніемъ за финляндцами права обладать Финляндіей и управлять ею по-своему.

Безъ сомнѣнія, многимъ мыслящимъ русскимъ этотъ опытъ прививки нѣжнаго отпрыска чужеземнаго либерализма къ грубому стволу древняго самодержавія казался рискованнымъ. Даже многимъ изъ насъ самихъ можетъ казаться на первый взглядъ, что абсолютизмъ и конституціонное правительство въ одной и той же странѣ взаимно исключаютъ другъ друга. Но нужно помнить, что парламентарная система Финляндіи далеко не то, что представляютъ изъ себя парламентарныя системы Западной Европы. Она основана, въ сущности, на конституціонномъ компромиссѣ, придуманномъ въ 1789 г. Густавомъ III шведскимъ, который сдѣлалъ тогда попытку сочетать строго монархическій образъ правленія съ подчиненнымъ, но тѣмъ не менѣе свобод-

нымъ и независимымъ (въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ предѣлахъ) парламентомъ. Равнодѣйствующая силъ повсюду замѣтно склонялась въ сторону монарха. Онъ былъ источникомъ почестей и правосудія, главнокомандующимъ войсками, единственнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами и главой исполнительной власти въ государствѣ. Сеймъ могъ собираться только тогда, когда онъ созывался Великимъ Княземъ, и послѣдній могъ распустить его, когда считалъ это нужнымъ. Занятія сейма ограничивались большею частью обсужденіемъ предложеній, которыя Великій Князь считалъ нужнымъ подвергнуть его обсужденію, и въ его вѣдѣніе не входилъ ни разборъ общегосударственныхъ мѣропріятій, ни такъ называемаго экономическаго и административнаго законодательства. Но, съ другой стороны, безъ предварительнаго согласія сословій не могъ быть изданъ ни одинъ новый законъ, ни отмѣненъ старый, и основные статуты не могли подвергаться, безъ ихъ разрѣшенія, измѣненіямъ или поправкамъ. Кромѣ того, сейму принадлежало право участія въ выработкѣ всѣхъ законодательныхъ мѣропріятій, въ собственномъ смыслѣ этого слова, включая сюда всѣ вопросы, относящіеся къ основнымъ законамъ, привилегіямъ сословій, гражданскому и уголовному, морскому и церковному праву. Сеймъ также имѣлъ голосъ въ законодательствѣ по вопросамъ о денежномъ обращеніи, по дѣламъ національнаго банка, по организаціи арміи и флота и т. п., хотя, какъ уже сказано было выше, инициатива во всемъ этомъ оставалась за Великимъ Княземъ. Кромѣ того, хотя регулированіе таможенныхъ пошлинъ считалось исключительнымъ правомъ Короны, сословія удержали за собой право облагать себя налогами. Изъ этого уже можно видѣть, что финская конституція была вещь довольно таки невинная. Даже самый ярый самодержецъ не подвергался никакому риску, поднося такой подарокъ одной части своихъ подданныхъ. При достаточной честности со стороны правителя и лояльности со стороны подданныхъ, едва ли можно было опасаться столкновеній между государемъ и народомъ, или какого бы то ни было риска для монархіи отъ такой урѣзанной и разжиженной парламентской системы.

И русскіе самодержцы, дѣйствительно, не имѣли до сихъ поръ никакого основанія жалѣть о своемъ интересномъ политическомъ экспериментѣ. Девяностолѣтнее трудное испытаніе прак-

тикою, черезъ которое прошла финская конституція, было выдержано ею блестяще. Больше того, — система эта дѣйствовала до такой степени удовлетворительно, что сами цари почли справедливымъ дать ей дальнѣйшее развитіе въ конституціонномъ направленіи. Наиболѣе замѣчательныя прогрессивныя мѣропріятія въ этомъ родѣ были предприняты Александромъ II изданіемъ 15 апрѣля 1869 г. „Landtags ordning“, или Парламентскаго Акта, которымъ былъ опредѣленъ періодическій регулярный созывъ сеймовъ, вмѣсто прежняго произвольнаго, по усмотрѣнію Великаго Князя.

Такого же конституціонно-прогрессивнаго характера былъ актъ Александра III отъ 25 іюня 1886 г., которымъ предоставлялось сословіямъ право инціативы въ большинствѣ вопросовъ, не имѣвшихъ характера основныхъ законовъ. Нечего прибавлять, что всѣ цари послѣ Александра I, включая нынѣ царствующаго, при восшествіи на престолъ, торжественно клялись соблюдать ненарушимо конституцію Финляндіи, какъ она изложена въ ея основныхъ законахъ.

Не удивительно, быть можетъ, что исключительное политическое положеніе Финляндіи породило непріязнь и подозрѣніе въ шовинистскихъ слояхъ русскаго общества, которые, какъ всѣмъ извѣстно, постоянно были готовы жертвовать всѣмъ, что̀ угодно, ради централизаціи. Уже вскорѣ послѣ смерти Александра II, который особенно хорошо относился къ Финляндіи и проявлялъ просвѣщенный и благосклонный интересъ къ ея конституціонному развитію, въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества и нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ была объявлена формальная война противъ финской автономіи; и финнамъ вскорѣ стало довольно ясно, что новый монархъ Александръ III подчиняется недоброжелательно настроеннымъ совѣтникамъ и не понимаетъ должнаго своего положенія, какъ конституціоннаго Великаго Князя Финляндіи. Несмотря на протесты сейма, онъ не разъ поступалъ вопреки прямому указанію буквы конституціи, которую онъ въ свое время поклялся защищать, то пріостанавливая дѣйствіе уже утвержденныхъ законовъ, то подчиняя независимыя вѣтви мѣстнаго управленія русской центральной администраціи безъ предварительнаго согласія всѣхъ четырехъ сословій. Тѣмъ не менѣе это были все лишь изолированные случаи беззаконія, не нарушавшіе нормальнаго теченія жизни страны, вслѣдствіе чего,

повидимому, имъ и не придавалось въ то время особеннаго значенія. Я говорю: „въ то время", потому что въ виду послѣднихъ событій становится очевиднымъ, что всѣ эти предварительныя прижимки составляли не что иное, какъ часть сознательно задуманнаго заговора, имѣвшаго цѣлью свести финляндскую конституцію къ нулю.

Начало теперешней сумятицѣ положилъ несчастный законопроектъ объ арміи, предложенный сословіямъ Финляндіи на чрезвычайномъ собраніи, созванномъ исключительно для этой цѣли, генералъ-губернаторомъ Бобриковымъ въ концѣ минувшаго января. Во вступленіи къ этому „милостивому предложенію" говорится: „Единство русской арміи требуетъ введенія полнаго однообразія въ отношеніи комплектованія списковъ арміи какъ въ военное, такъ и въ мирное время; посему настоящій законъ, предлагаемый чрезвычайной сессіи Сейма, составленъ нижеслѣдующимъ образомъ по нашему милостивому распоряженію, въ отмѣну правилъ, содержащихся въ Актѣ объ арміи отъ 18 декабря 1878 г., утвержденномъ Его Величествомъ (покойнымъ царемъ Александромъ II) для Великаго Княжества финляндскаго". *)

Затѣмъ излагаются подробности въ 286 статьяхъ. Главною цѣлью этого новаго закона объ арміи было слить финляндскую армію съ русской, и важнѣйшимъ политическимъ послѣдствіемъ его было бы то, что финскія войска уже больше не служили бы, какъ до сихъ поръ было, исключительно для защиты самой Финляндіи отъ внѣшнихъ враговъ, — наоборотъ, по предложенному закону, военныя силы Великаго Княжества могли быть во всякое время передвинуты въ Россію, и обратно, русскіе офицеры могли быть присылаемы командовать финскими батальонами. А такъ какъ, въ послѣднемъ случаѣ, нельзя предположить, чтобы русскіе офицеры взяли на себя трудъ изучить оба официальные языка Финляндіи (шведскій и финскій), то ихъ присутствіе въ финской арміи неминуемо привело бы къ введенію русскаго языка (въ настоящее время онъ употребляется въ Финляндіи только при отдачѣ команды въ арміи), а родные языки подвергались бы риску очутиться въ положеніи мѣстныхъ нарѣчій, терпимыхъ лишь изъ милости. Что это не было воображаемой только опасностью,

*) Это вступленіе занимаетъ 21 съ половиной столбца in folio въ приложеніи къ руководящей финской газетѣ Nya Pressen отъ 25 января 1899 г.

ясно видно изъ нѣкоторыхъ параграфовъ въ предложенныхъ новыхъ правилахъ и, въ особенности, изъ того пункта, въ которомъ обѣщается значительное сокращеніе обязательнаго срока военной службы лицамъ финскаго происхожденія, которыя будутъ обладать знаніемъ русскаго языка. Для Сейма принять эти военныя предложенія въ ихъ настоящемъ видѣ было бы равносильно политическому самоубійству; и русскій генералъ-губернаторъ Финляндіи, повидимому, доложилъ куда слѣдуетъ, что единственный отвѣтъ финскихъ сословій можетъ быть лишь non possumus, такъ какъ, не успѣвъ еще даже обсудить предложенный на ихъ разсмотрѣніе новый законопроектъ, сословія вдругъ очутились лицомъ къ лицу съ новымъ, совершенно непредвидѣннымъ и неизвинительнымъ актомъ деспотизма. Въ Петербургѣ было рѣшено лишить финскія сословія ихъ права veto по отношенію къ законопроекту объ арміи и, такимъ образомъ, спасти Россію отъ политическаго пораженія въ ея же собственныхъ предѣлахъ; цѣль эту предполагалось достигнуть чрезвычайно простымъ средствомъ, а именно, незначительнымъ измѣненіемъ финляндской конституціи посредствомъ царскаго манифеста.

Говорятъ, что проектъ этого манифеста былъ выработанъ на совѣщаніи, состоявшемся въ Петербургѣ въ началѣ текущаго года подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича и при участіи, между прочимъ, реакціонера Побѣдоносцева и генералъ-губернатора Бобрикова. Вопреки протесту министра-секретаря Финляндіи, генерала Прокопе, проектъ былъ принятъ большинствомъ голосовъ и тотчасъ же поднесенъ на утвержденіе царю, который собственноручно и начерталъ на немъ: „быть по сему“. Но прежде чѣмъ прибѣгнуть къ такой чрезвычайной мѣрѣ, рѣшено было сдѣлать черезъ посредство генералъ-губернатора Бобрикова послѣднюю попытку уладить дѣло по доброму старому русскому обычаю, полюбовно. Около средины февраля генералъ Бобриковъ обращается частнымъ образомъ черезъ своего главнаго секретаря полковника фонъ-Минквица къ барону фонъ-Тройлю, Ландмаршалу, или Президенту финскаго Сейма, прося его употребить свое „большое вліяніе“ на Сеймѣ и убѣдить своихъ друзей и сторонниковъ проявить свое вѣрноподданничество сколь возможно бо́льшими уступками военному законопроекту — въ интересахъ самой страны. Фонъ-Тройль отвѣтилъ коротко и ясно: „поклонитесь отъ меня Его Превосходительству, сказалъ

онъ, и передайте ему, что финскій законъ считаетъ преступникомъ всякаго, кто въ теченіе сессіи Сейма пытается оказать какое бы то ни было предосудительное давленіе на своихъ парламентскихъ товарищей". Послѣ этого генералъ Бобриковъ снова отправился въ Петербургъ и доложилъ, что населеніе Великаго Княжества безнадежно упорствуетъ. 14-го февраля онъ вернулся въ Гельсингфорсъ съ извѣстнымъ намъ уже злополучнымъ манифестомъ въ карманѣ.

Нѣтъ надобности подробно излагать манифестъ и формулированные въ приложеніи къ нему „grundstadgaden", или основные статуты: ихъ содержаніе и значеніе можно отмѣтить въ двухъ словахъ. Они безъ дальнихъ околичностей постановляютъ, что отнынѣ одинъ лишь государь будетъ рѣшать, какіе вопросы общегосударственные и какіе — чисто мѣстнаго характера, могущіе быть предоставленными вѣдѣнію сейма. Изданіе такого указа является просто на просто coup d'état — насильственнымъ государственнымъ переворотомъ, такъ какъ оно выражаетъ рѣшеніе конституціоннаго монарха (т. е. Великаго князя Финляндіи) впредь игнорировать въ извѣстныхъ случаяхъ ту самую конституцію, охранителемъ которой онъ является. Отнынѣ по всѣмъ вопросамъ, которые императоръ сочтетъ относящимися ко всей имперіи, включая сюда и самую Финляндію, финскаго сейма какъ бы и не будетъ. А между тѣмъ въ Landtagsordning, или парламентскомъ статутѣ 1871 г., который Николай II клятвенно обѣщалъ соблюдать, значится совершенно явственно: „основные законы могутъ составляться, дополняться, обнародоваться и отмѣняться лишь по предложенію Императора Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій государства (Финляндіи)". До сихъ поръ въ сомнительныхъ случаяхъ вопросы, которые касались одновременно Россіи и Финляндіи, окончательно формулировались на совѣщаніяхъ министровъ обоихъ государствъ, такъ что для каждой изъ обѣихъ составныхъ частей имперіи издавались не *общіе*, а *отдѣльные*, хотя и *тождественные* законы. Оттого наиболѣе зловѣщей чертой манифеста 15 февраля является то, что впредь финляндцы никогда не могутъ быть увѣрены, какіе вопросы русскому императору заблагоразсудится признавать „общегосударственными". Поэтому мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что манифестъ этотъ является смертельнымъ ударомъ для свободы Финляндіи,

такъ какъ онъ лишаетъ финляндцевъ драгоцѣннѣйшей ихъ привилегіи, а именно: привилегіи составлять для себя свои собственные законы, совмѣстно съ Великимъ Княземъ, и превращаетъ сеймъ изъ законодательнаго представительнаго парламента въ простое совѣщательное провинціальное собраніе.

Манифестъ разразился, какъ громъ надъ головою ошеломленныхъ финляндцевъ, ибо хотя въ Гельсингфорсѣ и носились разные темные слухи незадолго до его появленія, но ни одинъ человѣкъ въ здравомъ умѣ не думалъ серьезно о возможности такого посягательства. Манифестъ былъ опубликованъ 17 февраля въ официальной русской газетѣ, и финскому сенату, высшему исполнительному совѣту Финляндіи, было приказано немедленно опубликовать его въ двухъ официальныхъ финляндскихъ газетахъ. Послѣ долгихъ и тревожныхъ преній мнѣніе опортунистовъ, что слѣдуетъ избѣгать крайностей, одержало верхъ большинствомъ одного голоса*), и манифестъ былъ, согласно этому, напечатанъ въ газетахъ. Сенатъ жестоко порицали за его уступчивость по этому поводу, но я полагаю — несправедливо. Нѣтъ сомнѣнія, что отказъ сената опубликовать манифестъ побудилъ бы новоявленнаго „князя мира“**) прибѣгнуть для убѣжденія самыхъ безобидныхъ и интеллигентныхъ изъ своихъ подданныхъ къ другого рода аргументамъ — къ штыкамъ и пулямъ; и хотя подобныя репрессаліи сдѣлали бы миротворца вселенной смѣшнымъ въ глазахъ Европы, но онѣ означали бы полное уничтоженіе свободы Финляндіи. Русскому правительству ничего не было бы такъ на руку, какъ приличный предлогъ для объявленія осаднаго положенія и вызова войска для подавленія воображаемаго возстанія, ибо теперь достовѣрно извѣстно, что наканунѣ этого coup d'état, въ Финляндіи и Петербургѣ были приняты чрезвычайныя военныя предосторожности на случай могущихъ произойти осложненій. Однако, къ своему счастью, финляндцы — народъ въ высшей степени хладнокровный, осторожный, прозорливый, медленный въ словахъ и еще болѣе медленный въ движеніяхъ, и эта естественная флегма сослужила имъ хорошую службу въ настоящемъ кризисѣ. Тѣмъ не менѣе, поведеніе ихъ было столько же мужественно, сколько корректъ-

*) На самомъ дѣлѣ голоса раздѣлились поровну, и голосъ предсѣдателя рѣшилъ дѣло.

**) Такъ скандинавцы теперь иронически величаютъ царя.

но, и они не упустили ни одного случая, чтобы не выразить законными способами своего неудовольствія. Начато съ того, что сенатъ единогласно рѣшилъ тотчасъ же войти съ почтительнѣйшимъ представленіемъ къ царю черезъ своего статсъ-секретаря, генерала Прокопе, въ Петербургѣ. Въ этой запискѣ просители краснорѣчиво и ясно излагаютъ положеніе дѣла; затѣмъ, доказавъ, что по точной буквѣ конституціи ни одинъ вопросъ, относящійся къ учрежденіямъ Финляндіи, не можетъ быть изъятъ изъ законнаго обсужденія народныхъ представителей Финляндіи только потому, что онъ въ то же время касается Россійской имперіи, — они обращаются съ слѣдующимъ воззваніемъ къ чувству чести и справедливости императора:

„Всемилостивѣйшій Императоръ! Жители Финляндіи никогда не перестанутъ благословлять память великодушнаго монарха (Александра I), который умѣлъ привязать къ себѣ финскій народъ неразрывными узами лояльности и любви въ моментъ, когда Финляндія присоединялась къ Имперіи и призвана была судьбою начать новую эру жизни. Финскій народъ глубоко проникнутъ сознаніемъ долга признательности также ко всѣмъ послѣдующимъ монархамъ за любовь къ нему и за дарованіе ему многихъ милостей. Онъ также имѣетъ столь высокое мнѣніе о священной особѣ Государя и столь высокое представленіе о неизмѣнности царскаго слова, что онъ видитъ въ немъ вѣрную гарантію законныхъ правъ своей страны. А потому сенатъ Вашего Императорскаго Величества не можетъ себѣ представить, чтобы милостивымъ желаніемъ и намѣреніемъ Вашего Императорскаго Величества могло быть отступленіе отъ торжественнаго обѣщанія, даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ финляндскому народу при восшествіи на престолъ, сохранять ненарушимо и во всей силѣ конституцію этой страны... Поэтому сенатъ почтительнѣйше проситъ, чтобы Ваше Императорское Величество соблаговолило объявить, что настоящее законодательное мѣропріятіе не имѣетъ въ виду уничтожить основныя права и вольности финскаго народа“.

Въ заключеніе сенатъ предлагаетъ достойный и разумный выходъ изъ запутаннаго положенія:

„Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, существуютъ законодательные вопросы, касающіеся общихъ интересовъ Имперіи, которые требуютъ иной процедуры обсужденія, нежели какая была въ

силѣ до сихъ поръ, и такъ какъ сенатъ убѣжденъ, что финскій народъ никогда не станетъ уклоняться отъ уступокъ и жертвъ, требуемыхъ истинными интересами Имперіи, — то онъ, Сенатъ, осмѣливается почтительнѣйше просить, чтобы Вашему Величеству угодно было повелѣть составить опытными людьми, какъ русскими, такъ и финляндцами, законопроектъ, регулирующій порядокъ законодательства по мѣропріятіямъ, касающимся общихъ интересовъ Имперіи; и такой проектъ, послѣ тщательнаго предварительнаго разсмотрѣнія, предложить на обсужденіе Сословій Финляндіи, согласно основнымъ законамъ Конституціи".

Это прошеніе было должнымъ образомъ прочтено царю генераломъ Прокопе во время его офиціальнаго доклада. Однако, оно не только не тронуло Николая II, но напротивъ того, точка зрѣнія Сената показалась ему грубымъ непониманіемъ его доброй воли, и онъ вспылилъ. „Онъ надѣялся, — говорятъ, сказалъ онъ, — что для финскаго народа достаточно знать, что это онъ самъ, Императоръ, рѣшаетъ во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, что̀ государственный и что̀ чисто финскій вопросъ". Это напоминаетъ пріемы Екатерины II, которая заключила въ тюрьму польскихъ сенаторовъ и депутатовъ за то, „что они сомнѣвались въ чистотѣ ея намѣреній" — и это въ тотъ самый моментъ, когда она уничтожала ихъ свободу и грабила ихъ страну. Излишне, быть можетъ, прибавлять, что изъ петиціи финскаго Сената ничего не вышло.

Одинаково неудачны были попытки въ томъ же направленіи Сейма и финскаго прокурора Зодергельма, высшаго судебнаго лица великаго княжества. Зодергельмъ, протестовавшій въ самомъ началѣ противъ опубликованія манифеста Сенатомъ, поспѣшилъ на слѣдующій день въ Петербургъ просить ауденціи у царя; но въ ауденціи ему было отказано. Подобная же судьба постигла президентовъ четырехъ палатъ Сейма которые поспѣшно были отправлены въ Петербургъ съ цѣлью сообщить монарху единодушное рѣшеніе Сословій, сожалѣвшихъ о случившемся и дѣлавшихъ почтительное представленіе противъ такого злоупотребленія властью. *) Этотъ отказъ хотя бы только выслушать

*) Слѣдующая за тѣмъ огромная депутація изъ 500 представителей всѣхъ классовъ населенія, прибывшая въ Петербургъ, во избѣжаніе шума, въ группахъ по два и по три человѣка, также должна была вернуться въ Финляндію съ пустыми руками.

представителей цѣлаго народа болѣе, чѣмъ ясно указываетъ на рѣшеніе царскихъ совѣтниковъ не уступать ни пяди изъ того положенія, которое они заняли. Поэтому, всякую надежду на отмѣну манифеста слѣдуетъ разсматривать, какъ весьма сомнительную возможность.

Въ настоящій моментъ финляндцы переживаютъ нѣчто въ родѣ господства террора, и все, что они могутъ теперь дѣлать — это протестовать у себя на родинѣ *) и создать общественное мнѣніе заграницей. Даже въ Россіи они завоевали уже симпатіи болѣе либеральной и просвѣщенной части общества. Каждый день приноситъ съ собою новыя доказательства того, что въ самомъ Петербургѣ существуетъ сильное чувство негодованія по поводу реакціоннаго похода противъ автономіи Финляндіи. Пастора шведской церкви въ русской столицѣ посѣтили многіе совершенно незнакомые ему выдающіеся русскіе, которые выражали свой ужасъ и негодованіе по поводу coup d'état въ Финляндіи. Тамошній финскій книжный рынокъ посѣщаютъ ежедневно русскіе, желающіе пріобрѣсть сочиненія знаменитыхъ финскихъ публицистовъ Даніельсона и Мехелина, чтобы самимъ изучить финскій вопросъ. Кромѣ того, въ высшихъ кругахъ русской столицы произносились, при всеобщемъ одобреніи, рѣчи въ пользу Финляндіи, и мнѣ передавали, что предполагается послать адресъ отъ имени русской аристократіи съ выраженіемъ симпатіи Сословіямъ Финляндіи.

Я вѣрю, что самъ по себѣ царь — честный человѣкъ, и что данное слово для него столь же дорого, какъ и для другого благороднаго человѣка. Но тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что онъ позволяетъ прикрывать своимъ именемъ одно изъ самыхъ безчестныхъ дѣяній нашего времени, указываетъ ясно, что онъ — не что иное, какъ покорная и легко обманываемая кукла въ рукахъ реакціонной камарильи.

Нисбетъ Бэнъ.

---

*) Это они дѣлаютъ, являясь въ траурѣ, возлагая вѣнки на статую Александра II въ Гельсингфорсѣ и возражая на доводы русскихъ шовинистовъ въ печати.

ФИНЛЯНДІЯ И ЦАРЬ.

(Изъ статьи, помѣщенной въ англійскомъ журналѣ „Contemporary Review“ въ маѣ 1899 г.)

Финляндцы не привыкли видѣть свою страну предметомъ вниманія европейской прессы. Мало кто знаетъ что-либо о Финляндіи, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: Финляндскій народъ, какъ политическое тѣло, не только не отличается многочисленностью, но еще и очень молодъ; кромѣ того, со времени своего появленія на міровой сценѣ, онъ находился въ тѣсномъ союзѣ съ могущественной державой, величіе и значеніе которой оставляли въ тѣни конституціонное Великое Княжество, находящееся подъ владычествомъ царя. Но, несмотря на это, мы были очень счастливымъ народомъ и стремились лишь къ тому, чтобы пользоваться нашими правами и подвигаться впередъ по пути промышленности и экономіи, умственной и нравственной культуры, просвѣщенія и развитія на почвѣ науки и искусства. Понятно, что такое, полное спокойнаго довольства, существованіе не могло служить предметомъ сенсаціонныхъ газетныхъ статей. Но это довольство теперь исчезло. Манифестъ царя отъ 15 февраля нарушилъ наше мирное существованіе.

При конституціи, гарантированной Финляндіи императоромъ Александромъ I и его наслѣдниками, страна прогрессировала, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніяхъ, съ удивительной быстротой. По общему убѣжденію финляндцевъ, этотъ поразительный прогрессъ должно цѣликомъ приписать конституціонному образу правленія, и поэтому вполнѣ понятна ихъ привязанность къ нему и готовность защищать этотъ порядокъ противъ всякаго нарушенія.

За послѣдніе десять — двѣнадцать лѣтъ шовинистская часть русской прессы предприняла ожесточенную кампанію противъ финляндскихъ конституціонныхъ учрежденій. Какой характеръ носила эта кампанія, лучше всего можно судить по слѣдующему описанію Петербургскаго корреспондента Times'а:

„Чѣмъ хладнокровнѣе и спокойнѣе, — пишетъ корреспондентъ, — хотятъ финляндцы выдержать систему пассивнаго сопротивленія, тѣмъ ожесточеннѣе и настойчивѣе дѣлаются ихъ противники въ русской прессѣ. Нападки этой прессы на поляковъ, балтійскихъ нѣмцевъ и закавказскихъ армянъ носятъ гораздо

болѣе мягкій и случайный характеръ, по сравненію съ нападками на безобидныхъ финляндцевъ . . . Лишь люди, терпѣливо слѣдившіе изо дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ за безконечными потоками оскорбленій, направленныхъ на финляндскія учрежденія, и за извращеніемъ принциповъ, которыми эти учрежденія руководятся, — могутъ имѣть представленіе о степени ожесточенія, съ которой производится эта антифинляндская пропаганда".

Вслѣдъ за нападками періодической прессы появился цѣлый рядъ книгъ, преслѣдовавшихъ тѣ-же цѣли. Со стороны финляндцевъ онѣ были парированы трудами финляндскихъ ученыхъ: сенатора Мехелина, профессоровъ Даніельсона и Германсона и др., нашедшихъ себѣ поддержку даже со стороны нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ.

Въ общемъ, до послѣдняго времени финляндцы, нисколько не сомнѣваясь въ правотѣ своего дѣла, не были особенно обезпокоены нападками русской шовинистской прессы, вполнѣ полагаясь на присягу царя. Но, вотъ, въ 1898 появился новый военный законопроектъ, а вслѣдъ за нимъ манифестъ царя отъ 15 февраля.

Относительно характера этого манифеста въ Финляндіи существуетъ лишь одно мнѣніе, а именно, что Императоръ и Великій Князь, обнародовавъ его, нарушилъ свое торжественное обѣщаніе, которое онъ далъ при вступленіи на престолъ, соблюдать въ точности финляндскую конституцію, одинъ изъ пунктовъ которой гласитъ, что основные законы страны не могутъ быть отмѣнены или измѣнены безъ согласія всѣхъ четырехъ сословій. То обстоятельство, что финляндскій сенатъ рѣшился обнародовать манифестъ царя, еще не доказываетъ, что сенатъ призналъ его согласнымъ съ конституціей, ибо и генералъ-прокуроръ, высшее судебное лицо въ Великомъ Княжествѣ, протестовалъ противъ этого обнародованія, и самъ сенатъ единогласно рѣшилъ обратиться съ воззваніемъ къ царю, прося его объявить, что предложенная имъ законодательная мѣра не имѣетъ въ виду нарушить государственный строй Финляндіи.

Извѣстно, что генералъ-губернаторъ Бобриковъ, какъ бы въ отвѣтъ на это воззваніе, разослалъ губернаторамъ финляндскихъ губерній циркуляръ, въ которомъ увѣрялъ, что впредь всѣ законы, касающіеся интересовъ Финляндіи, будутъ составляться и

обнародоваться точно такъ же, какъ до сихъ поръ; но это нисколько не выясняетъ положенія дѣла. Чего финляндцы желаютъ, такъ это точнаго заявленія со стороны самого Государя.

Мы, финляндцы, постоянно задаемъ себѣ вопросы: Что̀ обозначаетъ мѣра, обнародованная Императоромъ и Великимъ Княземъ? Почему миръ, которымъ мы наслаждались, былъ нарушенъ именно тѣмъ самымъ человѣкомъ, который объявилъ, что онъ стремится „къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ силами смуты и раздора“? Почему законъ нарушенъ тѣмъ, кто самъ объявилъ себя защитникомъ „началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ“? Почему человѣкъ, ясно заявившій, что „по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли“, въ то же самое время увеличиваетъ вооруженія нашей націи до такихъ предѣловъ, что они становятся невыносимой тяжестью? Почему все это дѣлаетъ тотъ самый человѣкъ, который тутъ же заявляетъ, что „положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ — таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ“? Почему не сдержалъ онъ слова, даннаго націи, которая всегда была признаваема самой вѣрноподданной среди его подданныхъ? Мы думали, что величайшая слава для монарха — видѣть свой народъ процвѣтающимъ и счастливымъ и быть самому предметомъ обожанія этого народа. Мы были убѣждены, что нашъ Великій Князь не можетъ нарушить нашихъ законовъ, ни преступить даннаго намъ слова. Мы всегда слыхали лишь похвалы нашимъ солдатамъ и думали, что чѣмъ больше средствъ мы затратимъ на образованіе народа, тѣмъ меньше ихъ понадобится для военныхъ цѣлей. Мы никогда и не воображали возможнымъ такую мѣру, какъ отозваніе нашихъ солдатъ изъ родной ихъ страны, которую они любятъ со всею свойственною сѣверянамъ страстной привязанностью къ своему отечеству; мы не думали, что ихъ когда-либо могутъ заставить отбывать воинскую повинность среди народа, языкъ котораго имъ чуждъ, образованіе котораго такъ разнится отъ ихъ образованія; что, наконецъ, ихъ заставятъ принимать новую присягу, въ которой обѣщаніе „повиноваться законамъ и установленіямъ, имѣющимъ силу въ странѣ“, будетъ исключено и замѣнено присягой на вѣрноподданство

неограниченному монарху. Все это несомнѣнно сдѣлаетъ для нихъ отбываніе воинской повинности наказаніемъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ таковымъ оно является въ какой-либо другой странѣ.

На всѣ поставленные нами выше вопросы имѣется лишь одинъ отвѣтъ: совѣтники нашего Государя преподали ему плохой совѣтъ, и самъ онъ недостаточно понимаетъ своихъ финляндскихъ подданныхъ. Мы не вѣримъ, мы не можемъ вѣрить, чтобы онъ сознательно нарушилъ свою клятву. Его торжественное обѣщаніе почитать нашу конституцію виситъ оправленнымъ въ рамки въ каждой финляндской церкви, и на него смотрятъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ. Оно виситъ тамъ, какъ эмблема ненарушимости священныхъ правъ. Скажите финляндскому крестьянину, что прочитанное имъ въ обѣщаніи — неправда, и вы отнимете этимъ у него часть его религіозныхъ убѣжденій. Онъ отвѣтитъ вамъ, что у Государя лукавые совѣтники, но что самъ онъ всегда поступаетъ съ благими намѣреніями. Да и чѣмъ иначе объяснить тотъ фактъ, что нѣкоторые люди такъ стараются скрыть отъ царя ту скорбь, въ которую манифестъ повергъ всѣ классы народа? Эту скорбь стараются представить измышленіемъ финляндскаго дворянства и бюрократіи. Царю докладывается, что всѣ разумные финляндцы довольны, такъ называемой, „реформой“. Всякое же выраженіе дѣйствительныхъ чувствъ народа, могущее достигнуть Государя, тщательно подавляется. Великолѣпный вѣнокъ, съ французской надписью: „Отъ благодарныхъ финляндцевъ“, который былъ посланъ въ Петербургъ для возложенія на гробъ Александра II въ годовщину его смерти, исчезъ передъ посѣщеніемъ теперешнимъ царемъ собора. Сообщаютъ въ видѣ вполнѣ достовѣрнаго слуха, что генералъ-губернаторъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ гирлянды и цвѣты, которыми финляндцы, со времени обнародованія манифеста, украшаютъ статую Александра II-го въ Гельсингфорсѣ, были сняты съ нея, и это приказаніе было отмѣнено лишь потому, что чиновникъ, которому оно было отдано, потребовалъ отъ генералъ-губернатора письменнаго распоряженія, но генералъ-губернаторъ не рѣшился на этотъ шагъ. Массовыя депутаціи и адреса генералъ-губернатору особенно не по душѣ, и онъ борется съ ними при помощи контръ-адресовъ за фиктивными подписями, собираемыми бродячими рус-

скими прасолами и разносчиками. Послѣдніе служатъ еще и другимъ цѣлямъ: они распространяютъ слухи, что, по введеніи въ Финляндіи русскихъ законовъ, будетъ произведенъ передѣлъ земли, и всякій получитъ часть, причитающуюся на его долю. Эта же система нѣсколько времени тому назадъ практиковалась въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ народонаселеніе было такимъ путемъ возбуждаемо противъ нѣмецкихъ помѣщиковъ. И не только система одна и та же: человѣкъ, который, по общему мнѣнію, отвѣтственъ за настоящее положеніе дѣлъ, — теперешній генералъ-губернаторъ Финляндіи, когда-то принималъ дѣятельное участіе и въ руссификаціи балтійскихъ провинцій. Его имя — генералъ Бобриковъ.

Бобриковъ совершенно чуждъ духу національной жизни Финляндіи. Его отношеніе къ финляндской прессѣ по истинѣ цинично: по его мнѣнію, въ Финляндіи черезчуръ много газетъ, и вотъ онъ закрылъ одну изъ нихъ и пріостановилъ на два мѣсяца двѣ другихъ*). Одна изъ послѣднихъ „Nya Pressen“ является самымъ вліятельнымъ органомъ финляндской прессы и занимала первенствующее мѣсто въ ведущейся теперь борьбѣ за право и справедливость; понятно, что произвольная мѣра генералъ-губернатора вызвала общее негодованіе, истинный характеръ котораго онъ едвали даже понимаетъ. Со времени его прибытія въ край и, въ особенности, послѣ обнародованія манифеста царя, страна наполнилась жандармами и шпіонами. Дѣтей останавливаютъ на улицахъ и разспрашиваютъ, о чемъ ихъ учатъ въ школахъ, и о чемъ говорятъ ихъ родители у себя дома, предлагая имъ деньги за доносъ. Мы не знаемъ, принимаетъ ли генералъ-губернаторъ непосредственное участіе въ этой омерзительной системѣ шпіонства, но, во всякомъ случаѣ, онъ не дѣлаетъ ничего для того, чтобы подавить эту систему, съ которой Финляндія не была знакома до его прибытія въ край. Насъ третируютъ какъ бунтовщиковъ, хотя въ странѣ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ бунта. Даже лица, подозрѣваемыя какъ agents provocateurs, не вызвали насилія со стороны населенія. Уваженіе къ закону и порядку такъ глубоко пустило корни въ финляндскомъ народѣ, что никакая провокація не въ силахъ будетъ потрясти его.

*) Съ тѣхъ поръ какъ написана эта статья, закрыто очень много финляндскихъ газетъ и журналовъ. Ред.

Мы не проливаемъ слезъ и не просимъ о сожалѣніи. Мы думаемъ, что человѣкъ, не симпатизирующій по собственному почину такому дѣлу, какъ наше, заслуживаетъ сожалѣнія болѣе насъ самихъ. Единственное оружіе борьбы, которому мы довѣряемъ, — культура ума и характера, данная намъ скандинавской цивилизаціей. Наши русскіе противники не имѣютъ понятія о силѣ этого оружія. Финляндскіе крестьяне стоятъ въ интеллектуальномъ отношеніи на высшей ступени по сравненію съ массой русскаго народа. Могучій національный духъ проникаетъ всѣ классы нашей демократической націи, связывая ихъ неразрывной цѣпью. Мы не даромъ въ теченіе столѣтій дышали укрѣпительнымъ воздухомъ свободы. Наша политика будетъ такъ же лояльна, какъ она была всегда. Мы постараемся сдѣлать нашъ народъ еще болѣе образованнымъ, уважающимъ законы и патріотическимъ. И какое бы физическое притѣсненіе ни было употреблено противъ насъ, мы надѣемся, оно не сломитъ нашей нравственной силы сопротивленія.

Эдуардъ Вестермаркъ.

ПОСЛѢДСТВІЯ ЦАРСКАГО МАНИФЕСТА.*)

Предыдущія статьи изъ подъ пера лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, даютъ достаточно ясную картину положенія вещей, созданнаго въ Финляндіи февральскимъ манифестомъ. Мы пополнимъ ее теперь имѣющимися у насъ документами и свѣдѣніями и постараемся, держась строго фактической почвы, освѣтить нѣкоторыя наиболѣе важныя стороны ея.

Прежде всего, мы обратимся къ упоминающемуся въ статьяхъ *массовому адресу*, привезенному въ С-Петербургъ 500 представителями финляндскаго народа. Въ правительственныхъ сферахъ и въ нѣкоторой части нашей печати ходилъ слухъ, что этотъ адресъ, въ сущности, фиктивный, что подписи, значащіяся подъ нимъ, частью вымышлены и частью добыты обманомъ, и что, наконецъ, народная масса Финляндіи отнеслась къ царскому

*) Статья составлена по нашему порученію по матеріалу, собранному нами. Ред.

манифесту если не восторженно, то сочувственно. Приводимая ниже, за немногими сокращеніями, статья изъ „Finland“, англійскаго органа, посвященнаго финляндскому вопросу, написанная компетентнымъ лицомъ и рисующая, какъ и при какой обстановкѣ были собраны подписи, покажетъ, насколько правдоподобенъ этотъ слухъ.

Описавъ, съ какимъ волненіемъ населеніе Гельсингфорса ждало результата сенатскихъ совѣщаній относительно того, слѣдуетъ ли опубликовать царскій манифестъ или предварительно послать депутацію съ протестомъ, статья далѣе говоритъ:

„Въ началѣ народъ былъ ошеломленъ рѣшеніемъ сената публиковать. Повидимому, никто не зналъ, что думать, что дѣлать. Но на слѣдующій день, въ воскресенье, 7-го февраля, стали предлагать и обсуждать различные планы дѣйствія. Изъ провинціи стали прибывать, по телеграфу и по телефону, запросы относительно того, что столица думаетъ предпринять. Въ понедѣльникъ пришла масса писемъ съ просьбами о свѣдѣніяхъ, и въ тотъ же вечеръ состоялось въ Гельсингфорсѣ многолюдное собраніе горожанъ, на которомъ единодушно рѣшено было послать царю отъ имени всего народа протестъ въ видѣ адреса и просить его отмѣнить свой Манифестъ. Тутъ же былъ выбранъ комитетъ изъ 12-ти человѣкъ для организаціи движенія, и имъ вручены были необходимыя на это полномочія.

„На первый взглядъ можетъ казаться невозможнымъ, чтобы эти двѣнадцать человѣкъ успѣли въ теченіе какихъ-нибудь 14-ти дней и въ самый разгаръ зимы собрать подписи во всѣхъ приходахъ обширной страны, къ тому же еще страдающей недостаткомъ въ путяхъ сообщенія. Но имъ это удалось, благодаря содѣйствію, которое съ энтузіазмомъ оказывалось имъ со всѣхъ сторонъ. На первомъ своемъ собраніи они получили извѣстіе, что въ Петербургѣ готовятся къ скорому отъѣзду царя и царицы на Ривіеру. Извѣстіе пришло изъ надежныхъ источниковъ. Комитетъ къ тому времени уже рѣшилъ было послать адресъ въ Петербургъ съ колоссальной депутаціей, состоящей изъ представителей всѣхъ 500 приходовъ Финляндіи, по одному изъ каждаго. Извѣстіе изъ Петербурга заставило лишь принять добавочное рѣшеніе послать депутацію, въ случаѣ необходимости, на Ривіеру черезъ всю Европу. Такъ же легко и съ такою же увѣренностью во всеобщей готовности на жертвы

разрѣшенъ былъ вопросъ о денежныхъ средствахъ, нужныхъ для такой поѣздки. Тремъ членамъ комитета поручено было заняться сборомъ денегъ, и 20-ю часами позже, когда комитетъ собрался вновь, въ его распоряженіи уже было полмилліона марокъ, обѣщанныхъ разными лицами, т. е. вдвое больше того, во что могла бы обойтись поѣздка депутаціи. Какъ извѣстно, однако, поѣздка государя не состоялась, и комитетъ отмѣнилъ сдѣланныя имъ на этотъ счетъ распоряженія.

„Само собою понятно, что комитетъ не могъ пользоваться для своихъ сношеній ни телеграфомъ, находящимся въ рукахъ русскаго правительства, ни даже почтою, такъ какъ подозрѣвалось, что низшіе чиновники вскрывали письма. Всѣ сношенія поэтому приходилось производить устно, а для этого требовалось до ста человѣкъ эмиссаровъ. При первомъ же слухѣ объ этомъ 300 человѣкъ различнаго общественнаго положенія предложили комитету свои услуги. Тѣмъ временемъ лихорадочно шла работа по заготовкѣ копій адреса. День и ночь работали смѣнами двѣсти молодыхъ людей обоего пола, приготовляя экземпляры адреса и вступительной рѣчи, которую имѣлось въ виду прочесть на всѣхъ сельскихъ сходахъ въ воскресенье, 21-го февраля. Гонцы, которымъ предстоялъ особенно долгій путь, оставили Гельсингфорсъ въ пятницу вечеромъ, 12-го февраля. Къ утру понедѣльника всѣ уже уѣхали и повсюду встрѣтили тотъ же пріемъ. Крестьяне, какъ только получали извѣстіе объ адресѣ, тотчасъ же, по собственному почину, снаряжались въ путь для сообщенія вѣсти въ окружныя села и усадьбы. Для этого достаточно было одного слова. Каждый съ радостью готовъ былъ дѣлать все, что было въ его власти. „Народъ самъ обратился съ воззваніемъ къ царю“, — такова вѣсть, которая облетѣла страну и будила повсюду надежды.

„5-го марта повсюду: въ городахъ, деревняхъ и селахъ, происходили сходы. Тамъ, гдѣ не было достаточно большихъ залъ, церкви отворяли свои двери, и толпа валила и окружала столы, гдѣ лежали экземпляры адреса въ ожиданіи подписей. Одни лишь грамотные допускались къ подписи, и строгость, которая соблюдалась на этотъ счетъ, часто вызывала патетическія сцены. Въ одной деревнѣ старикъ 70-ти лѣтъ, старшій работникъ въ одномъ изъ тамошнихъ имѣній, приходитъ къ хозяину и проситъ научить его писать свое имя. „Я слишкомъ тяжело на-

казанъ за то, что лѣнился въ дѣтствѣ," сказалъ онъ со слезами на глазахъ. „Я не могу принять участія въ протестѣ родины противъ несправедливости." Лишь послѣ часу упорнаго труда онъ утѣшился, найдя, что онъ уже въ состояніи выводить свое имя на бумагѣ. Другіе, узнавъ, что подписи будутъ приниматься еще три дня, обратились къ сельскому учителю и были необычайно горды, когда имъ удалось, наконецъ, цѣною страшныхъ усилій научиться подписываться и начертать свое имя на адресѣ. Въ одномъ случаѣ владѣлецъ усадьбы, находившейся въ какомъ-то медвѣжьемъ углу, узналъ, что происходило, отъ одного изъ своихъ работниковъ, случайно проходившаго въ это воскресенье мимо сельской церкви. Было уже слишкомъ поздно для всѣхъ, жившихъ въ усадьбѣ, отправляться въ церковь и попасть во-время. Но владѣлецъ усадьбы не унывалъ. Онъ сѣлъ за столъ и прямо написалъ царю, прося его „уважить законы Финляндіи и отмѣнить мѣру, которою онъ уничтожалъ ихъ." Онъ подписалъ посланіе, далъ подписать другимъ членамъ семьи, равно какъ и прислугѣ и работникамъ, и послалъ его черезъ нарочнаго делегата отъ его прихода. Делегатъ былъ найденъ, своеобразное и трогательное прибавленіе къ массовому адресу прибыло своевременно въ Гельсингфорсъ и тамъ пришито къ прочимъ листамъ.

„Самый сѣверный приходъ, куда былъ посланъ делегатъ, былъ Рованіеми, за полярнымъ кругомъ. Тамъ всѣ дороги кончаются и зимою нѣтъ никакихъ способовъ сообщенія, кромѣ какъ на лыжахъ; но въ этомъ искусствѣ тамошнее населеніе особенно отличается. Гельсингфорскій комитетъ полагалъ невозможнымъ послать адресъ еще далѣе на сѣверъ, но Рованіемскіе крестьяне думали иначе. Узнавъ, что сосѣдей ихъ дальше къ сѣверу собираются исключить изъ участія въ протестѣ противъ несправедливости, причиненной странѣ ихъ, они рѣшили забрать дѣло въ свои собственныя руки. Необходимо было достать добровольца, который бы взялся разнести вѣсть по далекому сѣверу, и на зовъ явился лучшій лыжебѣжецъ деревни. Для того, чтобы добраться до перваго большого села, ближайшаго села Киттильскаго прихода, ему предстояло пробѣжать среди необитаемыхъ мѣстъ до 150 верстъ, а у него въ распоряженіи было всего 24 часа. Но онъ сдѣлалъ свое дѣло въ 18 часовъ. Онъ весь день и всю ночь бѣжалъ по замерзшимъ топямъ и

лѣсамъ, гдѣ не было даже тропинокъ, и достигъ мѣста своего назначенія около полудня слѣдующаго дня. Онъ тотчасъ же передалъ жителямъ деревни свое порученіе. Они немедленно, въ свою очередь, разослали гонцовъ на лыжахъ по всѣмъ направленіямъ, и къ вечеру прибыло около 70-ти человѣкъ, изъ которыхъ многимъ пришлось пробѣжать большія разстоянія безъ остановки, чтобы поспѣть во-время. Устроили сходъ, подписали подъ адресомъ свои имена и въ тотъ же вечеръ послали въ Гельсингфорсъ делегата. Послѣдній, въ свою очередь, пробѣжалъ около 150 верстъ съ драгоцѣннымъ документомъ въ карманѣ въ видѣ единственнаго своего багажа и прибылъ на слѣдующій день въ мѣсто, откуда могъ уже продолжать свое путешествіе верхомъ либо въ саняхъ. Онъ сдѣлалъ еще 200 верстъ до ближайшей желѣзно-дорожной станціи, а оттуда поѣхалъ въ Гельсингфорсъ, куда и прибылъ съ тѣмъ же поѣздомъ, что и остальные делегаты!

„Что же касается до Гельсингфорса, то дѣло по сбору подписей было поручено 40 дамамъ, пользовавшимся всеобщимъ уваженіемъ. Такъ какъ всю затѣю рѣшено было до поры до времени скрывать отъ генералъ-губернатора, то никакихъ собраній нельзя было устраивать. Взамѣнъ этого, городъ былъ раздѣленъ на 40 участковъ, по одному на каждую изъ упомянутыхъ дамъ, изъ коихъ каждая навербовала себѣ помощниковъ, и 21-го февраля начался изъ дома въ домъ сборъ подписей, который и далъ 34000 именъ.

„Къ востоку и западу отъ Гельсингфорса тянется на протяженіи почти двухъ десятковъ верстъ архипелагъ. Самые дальніе острова населены рыбаками, которые зимою совершенно отрѣзаны отъ остального міра; но и о нихъ не забыли. Молодые люди изъ Гельсингфорса, отличавшіеся своимъ искусствомъ бѣгать на лыжахъ, образовали „летучій отрядъ“ и обѣжали все колоссальное ледяное поле отъ острова къ острову, отъ скалы до скалы и вернулись назадъ съ тысячью слишкомъ подписей лицъ обоего пола, радостно ухватившихся за этотъ случай принять участіе въ національномъ протестѣ.“

Такъ было собрано 523921 подпись менѣе чѣмъ въ 10 дней. Теперь приведемъ нѣкоторые отрывки изъ текста адреса.

„Манифестъ 3-го февраля Вашего Императорскаго Величества возбудилъ тревогу и скорбь по всей Финляндіи. Временемъ

освященное право финскаго народа на участіе черезъ своихъ сословныхъ представителей въ законодательствѣ было подтверждено блаженной памяти императоромъ Александромъ I и расширено и урегулировано при императорахъ Александрѣ II и Александрѣ III. Однако же теперь, согласно основнымъ положеніямъ, изданнымъ вмѣстѣ съ манифестомъ, земскіе чины въ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ признаны касающимися интересовъ всей имперіи, не будутъ допущены къ участію въ законодательствѣ съ рѣшающимъ правомъ голоса, обезпеченнымъ за ними основными законами Финляндіи. Государь, этотъ Манифестъ колеблетъ фундаментъ нашего общественнаго строя...

„Мы, нижеподписавшіеся, граждане Финляндіи всѣхъ классовъ, вѣрноподданнѣйше просимъ, да будетъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно выслушать повергаемое къ трону Вашему выраженіе опасенія за судьбу, которая угрожаетъ теперь нашей родинѣ ...

„Подъ скипетромъ благородныхъ монарховъ и подъ защитой своихъ законовъ Финляндія постоянно прогрессировала въ благосостояніи и нравственномъ развитіи. Народъ финскій добросовѣстно старался выполнять свои обязанности по отношенію къ своимъ монархамъ и къ Россійской Имперіи. Намъ извѣстно, что у нашей родины въ послѣднее время въ Россіи были враги, которые старались клеветою возбуждать недовѣріе къ преданности и честности финскаго народа, но намъ также извѣстно, что эта клевета — порожденіе неправды. Нѣтъ страны, гдѣ уваженіе къ законной власти и къ закону имѣло бы болѣе глубокіе корни, нежели въ Финляндіи . . .

„Мы не можемъ повѣрить, чтобы въ благомъ намѣреніи Вашего Императорскаго Величества было поколебать этимъ Манифестомъ законный порядокъ и внутреннее устройство Финляндіи. Мы скорѣе готовы вѣрить, что Вашему Величеству благоугодно будетъ принять къ сердцу впечатлѣніе, произведенное Манифестомъ, и повелѣть привести его „положенія“ въ согласіе съ основными законами Финляндіи. Въ нашихъ сердцахъ не можетъ быть мѣста сомнѣнію въ ненарушимости Императорскаго слова. Намъ всѣмъ извѣстны слова, провозглашенныя благороднымъ монархомъ передъ лицомъ всего человѣчества, что сила должна уступать праву, и что право малаго народа такъ же священно, какъ и величайшей націи. Его патріотизмъ

есть добродѣтель передъ лицомъ Всемогущаго Бога, отъ которой онъ да не отречется."

Петиція эта не была принята. Въ отвѣтъ на докладъ ген. Прокопе о пріѣздѣ депутаціи, царь сказалъ: „Увѣдомьте депутацію, что я, конечно, не приму ее, хотя и не сержусь. Пускай она вернется домой и передастъ петицію своимъ губернаторамъ, которые, въ свою очередь, перешлютъ ее генералъ-губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ переслалъ ее Вамъ для представленія мнѣ, буде она вообще окажется достойной вниманія. Объясните депутаціи смыслъ распоряженія 3-го февраля, послѣ чего пускай она разъѣдется по домамъ."

Государь отказалъ, основываясь на старинномъ законѣ 1826 г., который запрещаетъ мѣстныя петиціи царю иначе, какъ черезъ административныя инстанціи.

Отказъ государя вызвалъ среди членовъ депутаціи обиду и горечь, ярко выразившіяся въ рѣчи Вольфа, главаря депутаціи, которому пришлось выслушать изъ устъ Прокопе объ участи петиціи. Эта рѣчь такъ отчетливо рисуетъ гражданское мужество финляндцевъ, что мы приводимъ наиболѣе существенныя выдержки изъ нея.

„Итакъ, съ этимъ утѣшительнымъ результатомъ мы должны вернуться къ нашимъ соотечественникамъ, которые ждутъ насъ съ такимъ нетерпѣливымъ волненіемъ? Таковъ отвѣтъ, которымъ нашъ монархъ удостоиваетъ нашу вѣрноподданнѣйшую просьбу позволить повергнуть къ стопамъ Его нашу скорбь и наше несчастіе, — Его, котораго, послѣ Господа, мы считаемъ нашей главной защитою? Мы вернемся спокойно домой, какъ повелѣваетъ намъ государь, но мы вернемся другими, чѣмъ какими мы пріѣхали сюда. Мы пріѣхали съ твердой надеждою, и мы возвращаемся разочарованные. Ваше Высокопревосходительство! Прежде чѣмъ оставить эту комнату, мы считаемъ долгомъ своей совѣсти сказать, что, по нашему мнѣнію, законъ 1826 г. неприложимъ къ необыкновенному шагу, сдѣланному нашими избирателями, когда они съ довѣріемъ послали насъ сдѣлать личное воззваніе къ Государю во имя справедливости...

„Въ виду заявленій, которыя Государь самъ всегда дѣлалъ относительно вѣрности финляндцевъ къ ихъ монархамъ, равно какъ и многократныхъ увѣреній въ довѣріи со стороны августѣйшаго Его Родителя и незабвеннаго Прародителя, мы умо-

ляемъ Васъ спросить Его, готовъ ли Онъ, передъ Богомъ и судомъ исторіи, нести отвѣтственность за нравственную гибель цѣлаго народа? Передайте Ему, что мы привыкли сносить безъ жалобы тяжелыя испытанія. Морозы многократно опустошали наши поля, и земледѣлецъ не разъ въ одну ночь терялъ плоды цѣлаго года трудовъ. Мы всегда смиренно покорялись этимъ бѣдствіямъ, поддерживая другъ друга и уповая на будущее. Но такого губительнаго мороза, какъ 3-ье февраля, финскій народъ еще не зналъ: въ эту ночь однимъ росчеркомъ пера было уничтожено все, что̀ мы считали для себя самымъ дорогимъ и что̀ мы надѣялись передать нашимъ дѣтямъ, если и не въ большемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ же объемѣ. Всѣ мы затронуты: знатный и низкій, богатый и бѣдный — всѣ мы поражены въ одинаковой степени этимъ ударомъ судьбы. Мы не можемъ теперь видѣть результатовъ гибельнаго дѣйствія его: наши мысли останавливаются передъ открывающейся передъ нами перспективой. Но наши дѣти, которымъ мы надѣялись передать, въ качествѣ наслѣдія, нравственный идеалъ, еще высшій и лучшій, нежели нашъ собственный, быть можетъ, увидятъ эти результаты, когда на ихъ глазахъ будутъ рушиться глубочайшія основы нашего политическаго существованія, когда нашъ народъ превратится въ народъ лицемѣровъ съ ложью на устахъ. Репутація финской націи, какъ націи вѣрной и честной, быть можетъ, станетъ тогда сказаніемъ былого. Сообщите же Государю, что нынѣ въ Финляндіи существуетъ больше двухъ милліоновъ лояльныхъ подданныхъ, которые готовы и никогда не уклонятся отъ исполненія своего долга. Но не скрывайте отъ Него, что мы также сознаемъ и свои права. Мой отецъ первый показалъ мнѣ небольшую книжку, на оборотѣ которой сказано было: „Основные законы Финляндіи“; онъ былъ первый, который объяснилъ моему юному уму ихъ смыслъ. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ со слезами на глазахъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ разсказывалъ мнѣ о незабвенныхъ дняхъ 1863 г., когда сердца монарха и народа били въ унисонъ. Спросите же Его Величество, достаточно ли онъ богатъ, чтобы отвергнуть преданность и любовь такого народа?...

„Мы просимъ Васъ увѣрить Государя, что мы никогда не станемъ искать выхода въ незаконныхъ дѣйствіяхъ. Оттого-то такъ и обидно для народа, сознающаго свои обязанности, ви-

дѣть себя преслѣдуемымъ на каждомъ шагу шпіонами. Не эти господа держатъ народъ въ порядкѣ: его держитъ въ порядкѣ унаслѣдованное уваженіе къ святости закона. Мы не мятежники, но мы не были бы достойны своихъ свободныхъ учрежденій, если бы мы не протестовали открыто и безъ боязни, скромно, но твердо противъ всяческихъ нарушеній нашихъ основныхъ законовъ — нашей конституціи, которую пять монарховъ клялись соблюдать или даже дальше развить. Весь финскій народъ видитъ такое нарушеніе въ рескриптѣ 3-го февраля. Мы просимъ Васъ увѣдомить Государя, что мы рѣшились прибѣгнуть къ Нему именно для того, чтобы Онъ соблаговолилъ отмѣнить этотъ рескриптъ и положилъ предѣлъ растлѣвающей системѣ шпіонства.

„Вы увѣряли насъ, что если бы законъ позволилъ Государю принять насъ, то Вы прочли бы Ему воззваніе, подписанное 500000 гражданъ, тѣмъ же безпристрастнымъ голосомъ, какимъ вы читали представленіе русскаго сената по вопросу, вызвавшему нашу теперешнюю тревогу. Правда, что Государь уже выразилъ свою августѣйшую волю относительно участи нашего дѣла; но такъ какъ Вы еще не дѣлали попытки представить во время личной аудіенціи воззваніе, котораго финскій народъ ни за что не поручитъ нынѣшнему Генералъ-Губернатору, то мы вынуждены, ссылаясь на прежнія Ваши завѣренія, торжественно просить Васъ, какъ только представится случай, прочесть петицію, полученную Вами, Его Императорскому Величеству Государю.

„Мы понимаемъ, что Государю, какъ это бываетъ, могутъ быть представлены адреса съ инымъ содержаніемъ, нежели нашъ. Мы потому просимъ Васъ передать Ему, что нѣкогда Іуда предалъ Спасителя за 30 серебряниковъ. Даже среди насъ, я съ прискорбіемъ сознаюсь, можно найти людей, которые за золото готовы продать свою родину.

„Мы просимъ Васъ передать эти наши чувства Всемилостивѣйшему Монарху.

„Да сохранитъ Господь царя и царицу.“

Результатомъ этой рѣчи было то, что русское правительство потребовало отъ англійскаго уволить Вольфа отъ вице-консульской должности, которую онъ занималъ въ Выборгѣ въ теченіе 13 лѣтъ. Что касается адреса, то онъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ докладѣ прочтенъ царемъ, и резолюція въ переводѣ съ

англійскаго гласитъ: „Я оставляю адресъ безъ вниманія. Я считаю его неумѣстнымъ, такъ какъ Нашъ Манифестъ 3-го февраля касается общаго законодательства Имперіи, а не мѣстнаго.“ Депутація отправилась назадъ, и возвращеніе ея домой было сигналомъ къ небывалымъ еще овиціямъ. „Когда въ воскресенье вечеромъ“, говоритъ корреспондентъ англійской газеты, „длинный, спеціальный поѣздъ, задержанный на нѣсколько часовъ мятелицей, приблизился къ Гельсингфорскому вокзалу, не только платформы и залы, но и площадь передъ зданіемъ его были покрыты многочисленною толпою народа. Какъ только первый изъ делегатовъ показался изъ вокзала, кто-то на улицѣ затянулъ финскій національный гимнъ. Гимнъ былъ подхваченъ, голоса возвысились и разрослись, и сами зданія кругомъ стали, казалось, отвѣчать на торжественные звуки. Толпа обнажила головы и разступилась передъ делегатами, пробиравшимися въ городъ, изъ котораго они лишь нѣсколько дней тому назадъ выѣхали въ тщетной надеждѣ уяснить царю впечатлѣніе, которое его дѣйствіе оказало на финскій народъ. Вечеромъ городскія власти дали банкетъ въ честь депутаціи, и ораторы отъ имени націи выразили благодарность ея членамъ, которые оставили далекія пепелища для того, чтобы сообщить монарху желаніе и надежды народа.“

Въ общемъ можно сказать, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, абсолютно изолированныхъ и неловкихъ попытокъ со стороны такихъ лицъ, какъ г. Стэдъ, — оправдать царскій манифестъ, вся заграничная пресса, безъ исключенія, и всѣ политическія общества безъ различія оттѣнковъ и направленій отнеслись къ нему отрицательно. Несомнѣнно, негодованіе, вызванное имъ, еще усилилось въ виду того, что онъ явился почти наканунѣ Гаагской конференціи, созванной по инициативѣ царя. Появляется всюду рядъ изданій по финляндскому вопросу. Такъ въ Англіи сразу возникъ спеціальный журналъ, посвященный финляндскому вопросу, а одновременно и вслѣдъ за нимъ стали помѣщаться въ газетахъ и журналахъ многочисленныя корреспонденціи и статьи, въ родѣ приведенныхъ выше. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ ноябрѣ 1899 г., появилась книга г. Фишера подъ заглавіемъ *„Финляндія и цари“*, которая сразу нашла себѣ

обширный кругъ читателей. Во Франціи стали появляться памфлеты и брошюры, изъ которыхъ заслуживаетъ особеннаго упоминанія книжка Рене Пюо (Puaux) съ предисловіемъ Анатоля Франса. Также и въ Америкѣ появилась рѣзкая брошюра подъ заглавіемъ „Русское вѣроломство въ Финляндіи“, изданная вновь основаннымъ „Финно-американскимъ центральнымъ комитетомъ Нью-Іорка для протеста противъ руссификаціи Финляндіи.“ Но всего, что появилось тамъ и здѣсь, не перечислишь; не перечислишь также и тѣхъ сочувственныхъ собраній, которыя имѣли мѣсто въ разныхъ мѣстахъ Европы. Мы укажемъ лишь на большое собраніе въ Антверпенѣ „Всеобщей Голландской Лиги“ подъ предсѣдательствомъ проф. Поля де Мона, на которомъ держали сочувственныя Финляндіи рѣчи представители различныхъ политическихъ и религіозныхъ теченій; на собраніе Литературнаго и Соціальнаго Кружка въ галлереяхъ королевскаго общества британскихъ художниковъ въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ пастора Генри Митчелля; на массовой митингъ Кингсландскаго воскреснаго общества, на которомъ говорила извѣстная г-жа Орглистонъ Чаптъ; на формальное сочувствіе финской прессѣ, выраженное въ спеціальной резолюціи съѣзда журналистовъ въ Римѣ; на протестъ противъ царскаго манифеста, выраженный сепаратистской партіей въ Барцелонѣ и подписанный 34-мя обществами и группами и редакціями десяти газетъ; на большое публичное собраніе въ Брюсселѣ, при участіи многихъ профессоровъ университетовъ, на которомъ было выражено сочувствіе Трансваалю и Финляндіи, и, наконецъ, на интерпеляцію извѣстнаго депутата въ британскомъ парламентѣ, въ которой тотъ, изложивъ содержаніе военнаго законопроекта, предложеннаго царемъ на разсмотрѣніе сейма, и указавъ на его очевидное и вопіющее противорѣчіе буквѣ и духу рескрипта о мирѣ, спрашиваетъ правительство, не считаетъ ли оно нужнымъ войти по этому поводу съ представленіемъ къ царю?

Но самымъ замѣчательнымъ инцидентомъ, вызваннымъ царскимъ манифестомъ, было составленіе международнаго адреса съ цѣлью поддержать финляндцевъ путемъ торжественнаго заявленія всеобщаго сочувствія имъ. Идея о подачѣ царю международнаго адреса зародилась, вѣроятно, одновременно въ разныхъ странахъ. Ее подхватили лучшіе люди науки и литературы

Европы, и въ самое короткое время составились адреса, и собрано было 1050 подписей. Перечислить послѣднія нѣтъ, конечно, никакой возможности; можемъ лишь упомянуть среди англійскихъ имена Листера, Кортни, Вестлэка, Спенсера, Рамзея, Джемса, Сёлли, Лесли Стивена, Флоренсъ Найтингэль, Тейлора, Кэрда, Дайси, Поллока, Сиджвика, Сандерсона, Торникрофта, Фостера, Джебба, Маршалла, Мэтлэнда, Джона Мёррея, Гейки, Эдварда Фрая, Ходжкина, Роско, Риса Дэвидса и др.; среди французскихъ — Гастона Пари, герцога Брольи, Сюлли Прюдомма, Жюля Кларети, Эмиля Золя, Анатоля Франса, Трарьё, Бутри, Лависса, Леруа-Больё и др.; среди нѣмецкихъ — Моммсена, Вирхова, Геккеля; среди норвежскихъ — Бьернсона, Нансена, Ибсена; среди шведскихъ — бар. Норденскьольда, среди датскихъ — Брандеса, среди итальянцевъ — Ломброзо, де Амичиса, Кардуччи, и среди голландскихъ — ванъ Эмпеса, Саворнина-Ломана, графа Биландта и др. Текстъ адресовъ, естественно, варіировался для каждой страны, хотя и построенъ былъ на одной и той же основѣ. Вотъ текстъ французскаго адреса въ переводѣ:

„Его Императорскому Величеству Царю Самодержцу всея Россіи, Великому Князю Финляндскому и пр. и пр.

„Мы, нижеподписавшіеся, просимъ Ваше Величество позволить намъ почтительнѣйше выразить то чувство скорби и удивленія, которое мы испытали при чтеніи петиціи отъ 21-го февраля 1899 г., въ которой больше полумилліона финляндцевъ просятъ Ваше Величество сохранить въ цѣлости права и привилегіи, гарантированныя странѣ ихъ императоромъ Александромъ I на сеймѣ въ Борго въ 1809 г., а затѣмъ по фредриксгаленскому договору, и подтвержденныя всѣми императорами Россіи при вступленіи на престолъ.

„То самое обстоятельство, что мы принадлежимъ къ дружественной и союзной съ Россіей націи, обязываетъ насъ убѣдительно просить Ваше Величество внять мольбамъ финляндскихъ вашихъ подданныхъ и тѣмъ еще больше возвеличить всестороннее удивленіе, внушаемое міру высокими гуманными чувствами, которыя Вы выразили въ рескриптѣ, поведшемъ къ нынѣ засѣдающей въ Гаагѣ конференціи.

„Мы, нижеподписавшіеся, надѣемся, что Ваше Величество поймете и извините сдѣланный нами шагъ, и просимъ Васъ принять увѣреніе въ глубокомъ нашемъ уваженіи.“

Англійскій адресъ, по существу такой же, какъ французскій, заканчивался слѣдующими словами:

„Намъ, какъ и всѣмъ поклонникамъ просвѣщенныхъ взглядовъ Вашего Величества, было бы чрезвычайно жаль, если бы недавнія событія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ задержали дѣло дружественнаго сближенія цивилизованныхъ народовъ, которое въ лицѣ Вашего Величества нашло столь высокаго поборника."

Этотъ международный адресъ первоначально рѣшено было послать съ депутаціей изъ представителей одиннадцати европейскихъ государствъ, по одному изъ каждаго; но въ послѣднюю минуту оказалось, что не всѣ они могутъ поѣхать, и делегація составилась изъ 6 человѣкъ. Эти члены были: Трарье, сенаторъ и бывшій французскій министръ юстиціи, Эмиліо Бруса, проф. международнаго права въ Туринѣ и бывшій президентъ Международнаго Института права, В. ванъ деръ Флюгтъ, проф. юриспруденціи въ Лейденѣ, проф. Шинней изъ Буда-Пешта, В. Брёггеръ, деканъ историч. факультета Христіанійскаго университета, и Норманъ Гансенъ, директоръ офтальмологической клиники въ Копенгагенѣ. Они прибыли въ Петербургъ 14-го іюня и, послѣ разныхъ мытарствъ и скитаній по вѣдомствамъ и министерствамъ, были приглашены на банкетъ, на которомъ имъ и сообщили, что царь ни ихъ самихъ, ни ихъ адреса не считаетъ нужнымъ принять. Такъ не удалась и вторая попытка коллективнаго протеста.

Но нравственное значеніе этого замѣчательнаго инцидента не могло пропасть даромъ. „Нѣкоторыя газеты", говоритъ въ обширной статьѣ по поводу неудавшейся депутаціи одинъ изъ ея членовъ, проф. Брёггеръ, „выразили мнѣніе, будто адресъ не достигъ цѣли, потому что депутація не была принята царемъ. Это мнѣніе, однако, основывается на непониманіи того, что собственно ожидалось. Ни у тѣхъ, которые подписали адреса, ни у членовъ депутаціи не было, за немногими, быть можетъ, исключеніями, серьезной надежды добиться аудіенціи у царя... Вѣроятно, что официальный отчетъ о содержаніи адресовъ, дошедшій до царя, не совсѣмъ былъ вѣрный; но несомнѣнно, что такое рѣшительное заявленіе своего мнѣнія со стороны тысячи слишкомъ представителей западной культуры, подписанное почти всѣми выдающимися людьми ученаго міра, оставитъ

за собою слѣдъ, если уже не оставилъ. Эта цифра уже сама по себѣ необычайно велика, если принять въ соображеніе, что подписи были набраны исключительно въ рядахъ высшей умственной культуры. Можно смѣло сказать, что никогда еще въ исторіи человѣчества никакой международный документъ не былъ подписанъ столькими выдающимися личностями.

„Адреса, которые проф. ванъ деръ Флюгтъ взялъ съ собою въ Голландію для сохраненія въ тамошнихъ архивахъ, когда-нибудь, навѣрное, признаны будутъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ. Международное заявленіе, въ которомъ приняли участіе самые выдающіеся люди большей части Европы съ цѣлью просить, чтобы силѣ не позволено было занять мѣсто права, отмѣчаетъ на исходѣ нашего неидеалистическаго вѣка съ его матеріализмомъ и милитаризмомъ такое замѣчательное введеніе къ новой эрѣ, что тотъ, кто въ состояніи разобрать первые слабые звуки новыхъ теченій, не можетъ не питать надежды, что нынче въ первый разъ сдѣланъ былъ шагъ впередъ на почвѣ, въ основѣ которой до сихъ поръ лежали принципы, принадлежащіе давно прошедшему времени.“

Подобное же нравственное значеніе придаетъ этому инциденту статья въ одной изъ главныхъ англійскихъ газетъ „Daily Chronicle.“*) „Друзья Финляндіи,“ говоритъ она: „или, если угодно, друзья всеобщей свободы сдѣлали все, что могли. Но они потерпѣли пораженіе... Знаменитости, которыя поѣхали въ Петербургъ затѣмъ лишь, какъ оказалось, чтобы участвовать въ погребальной процессіи одного изъ послѣднихъ маленькихъ народовъ, дѣйствовали чрезвычайно осторожно. Мы не думаемъ, чтобы великіе юристы и общественные дѣятели, которые присовокупили свои имена къ именамъ самыхъ выдающихся ученыхъ нашего столѣтія, позволили бы себѣ сдѣлать воззваніе не въ достаточно приличной формѣ или формѣ, не подходящей для даннаго случая. Петиція ссылается на дѣйствіе царя, созвавшаго мирную конференцію, поздравляетъ его съ благотворной идеей и проситъ его не разрушать заранѣе плодовъ конференціи лишеніемъ Финляндіи ея вольностей. Все это вполнѣ умѣстно, и, если бы императоры доступны были соображеніямъ

*) „Daily Chronicle“, 13 іюля 1899 г.

логики, воззваніе не должно было бы упасть на каменистую почву... Но гораздо лучше, чтобы либерализмъ и интеллектъ Европы были представлены у могилы мужественнаго и великодушнаго народа, нежели чтобы эта трагедія совершилась при всеобщемъ молчаніи. Въ виду этого протеста, къ которому присоединились всѣ наиболѣе извѣстныя имена Европы, весь цвѣтъ университетовъ, нельзя будетъ сказать, что при кончинѣ Финляндіи болѣе счастливые народы стояли въ сторонѣ и выражали одобреніе... "

И финляндцы это поняли. Когда делегаты возвращались черезъ Финляндію домой, имъ устраивали такія овація, какъ если бы они были побѣдители, а не побѣжденные. „На всѣхъ станціяхъ," разсказываетъ Брёггеръ, „на которыхъ останавливался нашъ поѣздъ, стояли толпы народа и выражали намъ свою благодарность пѣснями и цвѣтами, рѣчами и рукоплесканіями. Нашъ вагонъ былъ буквально покрытъ цвѣтами, равно какъ и нашъ пароходъ изъ Або. Больше всего я былъ пораженъ крестьянами, которые обступали полотно желѣзной дороги, часто даже между станціями, чтобы привѣтствовать несшійся мимо нихъ поѣздъ. Въ одномъ мѣстѣ, въ лѣсу, въ первомъ часу ночи я примѣтилъ двухъ стариковъ, стоявшихъ съ обнаженной головою и кричавшихъ намъ привѣтствія, когда мы мчались мимо. Ихъ суровыя лица и слезы на глазахъ свидѣтельствовали объ ихъ волненіи. Ничто не могло быть трогательнѣе вида этихъ двухъ одинокихъ фигуръ, стоявшихъ тамъ, въ лѣсу, и размахивавшихъ руками въ блѣдномъ освѣщеніи лѣтней ночи." Во всѣхъ городахъ, гдѣ они останавливались, въ Гельсингфорсѣ, Або и др. мѣстахъ, ихъ привѣтствовали гимнами и банкетами, а въ Стокгольмѣ проф. Миттагъ Леффлеръ далъ въ честь ихъ парадный обѣдъ, на которомъ Трарье произнесъ великолѣпную рѣчь.

Остается добавить, что въ сентябрѣ, когда императоръ гостилъ въ Стокгольмѣ, Норманъ Гансенъ обратился къ нему черезъ прессу съ открытымъ письмомъ, въ которомъ излагалъ мотивы, побудившіе депутацію къ такому необыкновенному шагу, какъ внѣшательство въ русско-финскія отношенія, и повторилъ просьбу, выраженную въ адресѣ.

Тѣмъ временемъ, какъ происходила вышеописанная агитація въ Финляндіи и за-границей, финскій сеймъ въ спеціальныхъ комиссіяхъ лихорадочно занимался обсужденіемъ царскихъ предложеній о пересмотрѣ Устава о воинской повинности и о реорганизаціи финскихъ войскъ. 27-го мая 1899 г. онъ окончилъ свои труды и представилъ свой Отзывъ Государю. Это — довольно объемистый томъ въ 37 печатныхъ листовъ русскаго текста, котѳрый вскорѣ появился за-границей во французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ переводахъ. Въ виду важности этого документа, и такъ какъ онъ уже изъятъ изъ обращенія въ публикѣ, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ его содержаніемъ.

Какъ извѣстно, Высочайшія предложенія, поступившія на обсужденіе земскихъ чиновъ Финляндіи, формулируютъ задачу ихъ по данному вопросу иначе, нежели это было принято до сихъ поръ: вмѣсто всесторонняго размотрѣнія съ правомъ вносить поправки, т. е. *законодательнаго участія* въ выработкѣ законопроекта, они требуютъ лишь *заключенія*, т. е. простого выраженія своего мнѣнія. Это является такимъ рѣзкимъ нарушеніемъ обычной процедуры, что къ Высочайшимъ предложеніямъ ихъ авторы нашли нужнымъ приложить рядъ документовъ, будто бы показывающихъ, что примѣнявшееся до сихъ поръ право финскаго сейма участвовать въ законодательствѣ о воинской повинности ни на чемъ не основано.

Земскіе Чины въ своемъ Отзывѣ вполнѣ естественно останавливаются прежде всего на этомъ пунктѣ, затрагивающемъ основной конституціонный вопросъ. На 25-ти страницахъ послѣдняго отдѣла своего Отзыва они опровергаютъ одно за другимъ приложенныя къ законопроекту положенія, утверждающія некомпетентность финляндскаго сейма въ дѣлѣ выработки военнаго законопроекта, и доказываютъ, что „воинскій уставъ можетъ быть измѣненъ только по согласному рѣшенію Государя Императора и Земскихъ Чиновъ“. Отсюда уже вытекаетъ, какъ логическое слѣдствіе, что измѣненіе въ процедурѣ, вносимое высочайшими предложеніями, является правонарушеніемъ финскаго народа и что „Земскіе Чины не могутъ ограничить свое участіе представленіемъ только заключенія, выражающаго мнѣніе ихъ о предполагаемыхъ измѣненіяхъ“.

Согласно съ этимъ, Земскіе Чины, оставляя въ сторонѣ пред-

ложенія Государя, развиваютъ свой проектъ. Прежде всего идетъ установка общихъ принциповъ. „Отвѣчаютъ ли нынѣшнія жертвы Финляндіи на дѣло обороны требованіямъ, которыя, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ россійскаго государства, по справедливости могутъ быть предъявлены къ Великому Княжеству?“ Что касается численности, то, повидимому, нѣтъ: „находящіяся въ Финляндіи въ мирное время вооруженныя силы и, слѣдовательно, также контингентъ, который Финляндія во время войны можетъ выставить для защиты государства, представляется сравнительно незначительными“. Въ виду этого Земскіе Чины находятъ естественнымъ и справедливымъ постепенное значительное увеличеніе численности финскихъ войскъ. Что же касается единообразія въ подготовкѣ и организаціи войскъ, то даже поверхностный взглядъ на предметы и пріемы обученія, на распредѣленіе занятій, на различные уставы — гарнизонный, дисциплинарный и др., и, наконецъ, на вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе, показываетъ, что вплоть до мельчайшихъ подробностей между финскими и русскими войсками нѣтъ сколько-нибудь существенной разницы. Но значитъ-ли это, что между обѣими арміями существуетъ полнѣйшее тождество? Конечно, нѣтъ, да оно и не должно быть: „нынѣ оба устава сходятся въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой сообразованы съ реальными условіями, къ которымъ они должны примѣняться; созданіемъ же тождественныхъ законовъ для разнородныхъ условій достигалось бы одно только механическое единообразіе, въ ущербъ нормальной дѣятельности учрежденія воинской повинности въ Финляндіи, и, слѣдовательно, также во вредъ военнымъ интересамъ государства“. Между тѣмъ именно къ такому механическому единообразію стремятся измѣненія, предлагаемыя въ царскомъ законопроектѣ и исходящія изъ политическихъ мотивовъ. Сюда, напримѣръ, относится предоставленіе сокращеннаго срока службы, которымъ пользуются лица, принадлежащія по степени образованія къ первому разряду, лишь тѣмъ, кто представитъ удостовѣреніе, между прочимъ, и въ знаніи русскаго языка. „Земскіе Чины не умаляютъ значенія въ Финляндіи русскаго языка... Но имѣя въ виду, что обыватели Финляндіи и Россіи принадлежатъ къ совершенно различнымъ народностямъ, каждому, кто понимаетъ значеніе этого этнографическаго различія, и тѣмъ болѣе каждому, кому извѣстна непреклонность финскаго народ-

наго характера, становится понятнымъ, что русскій языкъ никогда не можетъ получить общаго распространенія въ этомъ краѣ... Изъ этого явствуетъ, что намѣченныя въ проектѣ устава о воинской повинности принудительныя мѣры къ распространенію въ Финляндіи русскаго языка не привели бы къ ожидаемымъ результатамъ. Но, помимо безуспѣшности ихъ, подобныя мѣры должны быть отвергнуты, въ особенности, если онѣ несправедливо будутъ связаны съ воинской повинностью, исполненіе которой есть общая гражданская обязанность, а не родъ занятій, избираемый по собственному усмотрѣнію каждой отдѣльной личности. И не подлежитъ сомнѣнію, что если бы закономъ были установлены положенія, подобныя тѣмъ, о которыхъ Земскіе Чины здѣсь высказываются въ отрицательномъ смыслѣ, то финскій народъ, который съ незапамятныхъ временъ участвовалъ въ законодательствѣ и, вслѣдствіе этого, проникся мыслью, что основаніемъ и цѣлью закона должна служить правда, усмотрѣлъ бы въ такомъ велѣніи насильственную попытку измѣнить національный духъ Финляндіи, а отнюдь не заботливое попеченіе о пользахъ края, которое должно характеризовать мѣропріятія законодателя".

„Въ зависимости отъ глубоко укоренившихся этическихъ основаній," продолжаетъ Отзывъ по поводу того же пункта о сліяніи обѣихъ армій," патріотизмъ во всѣ времена ограничивался извѣстными естественными и историческими предѣлами, которые не могутъ быть измѣнены никакими повелѣніями. Великое Княжество Финляндское есть отечество финляндцевъ, подобно тому, какъ Россійская имперія есть отечество русскихъ. Но такъ какъ Финляндія, состоя въ неразрывномъ соединеніи съ Имперіей, составляетъ часть единой въ международномъ отношеніи державы — россійскаго государства, то финскій народъ никогда не можетъ осуществить патріотическаго долга — защищать отечество иначе, какъ участвуя въ защитѣ всего государства, безразлично, ведется ли война въ предѣлахъ Финляндіи или внѣ ея. Это вполнѣ сознается въ Финляндіи. Но изъ этой солидарности передъ иностранными державами вовсе не слѣдуетъ, что существовавшее до сихъ поръ различіе между финскими и русскими войсками должно быть уничтожено. Финскія войска будутъ успѣшнѣе исполнять свое назначеніе на войнѣ, сознавая себя представителями своего народа и зная, что мужественнымъ

исполненіемъ долга передъ Монархомъ и государствомъ, они также приносятъ честь своему финляндскому отечеству. Пріобрѣтенная обученіемъ боевая подготовка тогда еще больше увеличится нравственною силою, порождаемою патріотизмомъ. Скромное участіе Финляндіи въ оборонѣ россійскаго государства всегда будетъ болѣе дѣйствительнымъ, если финскія войска по прежнему останутся самостоятельными, чѣмъ если бы они, съ нарушеніемъ дѣйствующаго строя, были слиты съ арміей Имперіи".

На основаніи этихъ общихъ принциповъ Земскіе Чины не находятъ возможнымъ согласиться съ измѣненіями, предложенными въ царскомъ законопроектѣ, и выставляютъ отъ себя рядъ другихъ измѣненій. Право финляндцевъ отбывать воинскую повинность исключительно въ предѣлахъ своего края они оставляютъ неприкосновеннымъ, исходя изъ различныхъ соображеній юридическаго, этическаго и гигіеническаго свойства. Во-первыхъ, говорятъ они, финляндскіе граждане, вынужденные служить въ русскихъ войскахъ, были бы лишены права подчиняться собственнымъ законамъ края и судиться по нимъ,—что было бы нарушеніемъ основныхъ законовъ финляндской конституціи. Во-вторыхъ, они очутились бы въ чуждой обстановкѣ, не понимая языка и различаясь въ религіи, нравахъ, обычаяхъ, характерѣ и мировоззрѣніяхъ, — а это страшно отзывалось бы на ихъ положеніи и самочувствіи и легко развивало бы въ нихъ озлобленность и отчаяніе, создавая почву для пьянства и всякихъ преступленій. Въ-третьихъ же, они неизбѣжно пострадали бы физически отъ непривычки къ условіямъ питанія въ чужомъ краѣ. „Воинская повинность", говоритъ Отзывъ: „тяжелая обязанность для всѣхъ, кто не имѣетъ особенной склонности къ военной службѣ. Великая задача пещись объ оборонѣ отечества даетъ государству право возлагать эту тягость на гражданъ. Но усугубленіе тягости воинской повинности сверхъ необходимой мѣры не находитъ себѣ никакого нравственнаго оправданія".

Точно такъ же безъ измѣненія оставляютъ Земскіе Чины и общій трехгодичный срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ. Они основываются при этомъ на соображеніяхъ какъ спеціально военныхъ, такъ и экономическихъ и соціальныхъ. Они указываютъ на то, что увеличеніе срока службы шло бы въ разрѣзъ и съ ходомъ развитія современныхъ системъ обороны во всѣхъ

европейскихъ государствахъ, гдѣ общіе сроки службы понижаются до трехъ и даже до двухъ лѣтъ, и съ собственнымъ опытомъ Финляндіи, гдѣ трехлѣтній срокъ службы оказался болѣе чѣмъ достаточнымъ для образованія хорошихъ солдатъ. Кромѣ того, говорятъ они, увеличеніе срока отразилось бы неблагопріятно на экономическомъ развитіи края, такъ какъ молодые люди, отвлекаемые на такое продолжительное время отъ производительнаго труда, теряли бы навыкъ къ работѣ.

Обращаясь затѣмъ къ сообщенной Земскимъ Чинамъ формѣ присяги, Отзывъ указываетъ на то, что „она не содержитъ встрѣчающагося въ существующей формѣ присяги обѣщанія повиноваться дѣйствующимъ въ Финляндіи законамъ и постановленіямъ и исполнять обязанности, возлагаемыя на финляндскихъ гражданъ, состоящихъ на службѣ края, а зато заключаетъ въ себѣ обѣщаніе защищать общественный строй Великой Имперіи. Слѣдовательно, въ ней вовсе не приняты въ уваженіе особый правовой и общественный строй Финляндіи и обязательства по отношенію къ родному краю и его законамъ, лежащія на каждомъ, кто поступаетъ на службу страны. Принесеніе воинской присяги по новой формѣ, примѣненной исключительно къ законамъ Имперіи, такимъ образомъ было бы равносильно непризнанію существованія собственнаго отечества, понятіе о которомъ все-таки служитъ этическою основою воинской повинности, а также непризнанію законовъ края, равно какъ обычаевъ и правовыхъ воззрѣній народа“. Земскіе Чины рѣшительно отвергаютъ предлагаемую форму присяги и настаиваютъ на сохраненіи существовавшей до сихъ поръ.

Такъ же категорически высказываются они противъ предлагаемыхъ измѣненій въ главномъ начальствованіи надъ финскими войсками, въ финляндскомъ военномъ управленіи, въ компетенціи военнаго министра и въ личномъ составѣ офицеровъ. Они видятъ въ нихъ попытку уничтожить чувство національности финской арміи и подробнымъ анализомъ показываютъ, что результатомъ этого было бы лишь ослабленіе ея силы и значенія. Зато Земскіе Чины, какъ мы уже упоминали, выражаютъ свою готовность увеличить ея численность, но не въ пропорціональномъ отношеніи къ численности русской арміи, а лишь до 12-ти тысячъ человѣкъ. „Въ мирный составъ русской арміи“, говорятъ они, „входитъ приблизительно 8 человѣкъ съ каждой тысячи

народонаселенія. Въ случаѣ установленія этой нормы для Финляндіи, численность войскъ въ мирное время должна быть опредѣлена приблизительно въ 20 тысячъ человѣкъ. Но содержаніе столь многочисленной вооруженной силы истощило бы финансы края, и замѣчаемый уже теперь недостатокъ рабочихъ рукъ увеличился бы до того, что экономическая дѣятельность очутилась бы въ крайне стѣсненномъ положеніи... Увеличеніе до 12 тысячъ человѣкъ — слишкомъ вдвое противъ нынѣшняго мирнаго состава — представляется возможнымъ, безъ тяжелыхъ финансовыхъ и экономическихъ нарушеній, только при томъ условіи, что оно будетъ осуществлено постепенно въ теченіе не менѣе девяти лѣтъ". Само собою разумѣется, что преимущественное назначеніе финскаго войска для защиты одной лишь Финляндіи остается въ полной силѣ.

На этомъ заканчивается критическая и конструктивная часть Отзыва Земскихъ Чиновъ отъ 27-го мая 1899 г. Мы не станемъ приводить содержаніе приложеній къ этому Отзыву, заключающихъ въ себѣ различныя техническія соображенія по поводу Высочайшихъ предложеній, а приведемъ лишь заключеніе Отзыва, гдѣ Земскіе Чины говорятъ объ „обстоятельствахъ, въ виду которыхъ финскій народъ придерживается и долженъ придерживаться святости своихъ законовъ".

„Нельзя упускать изъ вниманія, что финскій народъ отличается отъ русскаго въ отношеніи религіи, языка, нравовъ и культуры. Еще въ то время, когда Финляндія составляла часть шведскаго государства, безъ отдѣльной отъ него организаціи, было ясно, что жители Финляндіи образовали собою особую націю. Что финскій народъ такимъ образомъ, вслѣдствіе историческаго развитія въ продолженіе многихъ вѣковъ, сложился въ отдѣльную отъ другихъ націй единицу, не есть результатъ человѣческихъ расчетовъ, человѣческой воли или человѣческой власти, а скорѣе доказываетъ, что и этому народу преднамѣчена особая задача, которую онъ, какъ народъ, долженъ по возможности исполнить ... И это служитъ для финскаго народа, какъ и для всякаго другого, находящагося въ такомъ же положеніи, внутреннимъ, хотя и не всегда ясно сознаваемымъ основаніемъ къ тому, что онъ, пока не погибъ нравственно, старается и въ тяжелыя времена сохранить свое національное существованіе. Этимъ также объясняется, почему подобныя стремленія, —

когда для осуществленія ихъ не прибѣгали къ незаконнымъ средствамъ, — всегда считались благородными и возвышенными...

„Къ этому нужно еще прибавить значеніе святости закона.

„Безъ защиты со стороны закона, всякому народу трудно будетъ успѣвать въ своемъ развитіи, и ни одинъ народъ не будетъ чувствовать себя спокойнымъ, когда ему будетъ грозить примѣненіе къ нему чужого права . . .

„Для финскаго народа, вынужденнаго бороться съ препятствіями, порождаемыми для культуры холоднымъ климатомъ сѣвера и скудною почвою страны, борьба эта будетъ вдвое тяжелѣе, если нельзя будетъ вести ее съ сознаніемъ святости закона, унаслѣдованнаго отъ предковъ и соотвѣтствующаго правовымъ воззрѣніямъ народа, ибо народъ не можетъ мѣнять правовыя воззрѣнія, образовавшіяся въ теченіе столѣтій. Опасенія за собственные законы и правовой строй, проявляющіяся у народа въ его нынѣшнемъ положеніи, такъ естественны, что они, казалось бы, не могутъ быть невѣрно истолкованы тѣми, кто безъ предубѣжденія и предвзятыхъ подозрѣній пожелаютъ вникнуть въ это положеніе и кто притомъ чтутъ собственныя національныя преданія“.

Земскіе Чины кончаютъ тѣмъ, что предлагаютъ на усмотрѣніе Его Величества измѣненный ими Уставъ и просятъ, въ случаѣ неодобренія, возвратить его вмѣстѣ съ поправками для вторичнаго обсужденія.

Этотъ Отзывъ былъ уже почти выработанъ, когда на разсмотрѣніе Сейма поступило новое Высочайшее предложеніе объ „уравненіи личной и военно-финансовой тягости воинской повинности въ Финляндіи съ таковою же въ Имперіи“. Немедленно былъ выработанъ дополнительный Отзывъ отъ 29-го мая 1899 г., въ которомъ коротко и ясно заявляется, что вопросы, затрагиваемые въ новыхъ предложеніяхъ, не могутъ, согласно доводамъ, представленнымъ въ главномъ Отзывѣ, быть переданы Земскимъ Чинамъ лишь на заключеніе въ порядкѣ, установленномъ февральскимъ манифестомъ. Приведя дальнѣйшія доказательства беззаконности Высочайшаго дѣйствія, Земскіе Чины заявляютъ, что они не сочли возможнымъ „войти въ разсмотрѣніе Высочайшихъ предложеній по существу“. При этомъ они замѣчаютъ: „Никто, въ комъ живо сознаніе правды и справедливости, не можетъ осуждать Земскихъ Чиновъ за то, что они,

по скольку отъ нихъ зависитъ, заботятся объ охраненіи правъ финскаго народа какъ нынѣшняго, такъ и будущихъ поколѣній. Вопросъ касается устоевъ общественнаго строя края, сохранившихся въ теченіе столѣтій. Финскій народъ не желаетъ уклоняться отъ исполненія своего долга; онъ только желаетъ, чтобы были сохранены и уважены законный и закономѣрный общественный строй, съ которымъ сросся этотъ народъ и который признанъ также монархами Россіи. Если бы даже образъ дѣйствія Земскихъ Чиновъ подвергался невѣрнымъ толкованіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя въ изобиліи встрѣчались въ послѣднее время, то Земскіе Чины осмѣливаются надѣяться, что монархъ Финляндіи, внимая голосу финскаго народа, пойметъ положеніе его. Глубоко серьезны причины, побуждающія финскій народъ и Земскихъ Чиновъ края въ настоящую минуту представить своему Монарху, которому провидѣніемъ предназначена высокая задача быть также верховнымъ хранителемъ правового порядка Финляндіи, свои заботы о будущности и высказать свое твердое убѣжденіе, что они, охраняя святость своихъ основныхъ законовъ, исполняютъ свой долгъ передъ Монархомъ и отечествомъ".

По поводу законности этихъ Отзывовъ царь сдѣлалъ запросъ финляндскому сенату, и послѣдній вполнѣ присоединился къ мнѣнію Земскихъ Чиновъ. Тогда они поступили на разсмотрѣніе *русской* военной комиссіи, а отсюда вмѣстѣ съ замѣчаніями финляндскаго генералъ-губернатора перешли въ Государственный Совѣтъ, гдѣ находятся, повидимому, и поднесь. Внесеніе ихъ въ послѣднія двѣ инстанціи является нововведеніемъ, совершенно незаконнымъ съ точки зрѣнія финляндскаго государственнаго права.

Остается еще упомянуть о рѣчахъ представителей сословій при закрытіи сессіи сейма и о рескриптѣ, данномъ по этому поводу царемъ на имя генерала Бобрикова. Содержаніе первыхъ сводится къ заявленію лояльности и выраженію скорби по поводу царскихъ дѣйствій, а содержаніе второго — извѣстное, впрочемъ, и изъ русской прессы — сводится къ выраженію сожалѣнія по поводу того, что ораторы не раздѣляютъ царскихъ мнѣній и позволяютъ себѣ имѣть свои собственныя ошибочныя и не соотвѣтствующія истинному положенію дѣлъ. По поводу этого рескрипта „Times" замѣчаетъ: „Ни финляндцы, ни ци-

вилизованный міръ не станутъ смотрѣть на эти неопредѣленныя царскія заявленія, какъ на отвѣтъ на доводы, покоящіеся на извѣстныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ, которые каждый образованный человѣкъ можетъ добыть и взвѣсить. Подобныя заявленія могутъ имѣть вѣсъ у крестьянъ, глубоко погрязшихъ въ варварствѣ, или у людей, которые не отваживаются мыслить изъ боязни передъ тайной полиціей. У цивилизованныхъ народовъ Запада они могутъ только вызвать порицаніе и усмѣшку".*)

Во всей оппозиціи финляндскаго народа и его представителей послѣднимъ мѣропріятіямъ русскаго правительства мы не можемъ не отмѣтить необыкновенную лояльность по отношенію къ личности и сану монарха. Заявленія массоваго адреса, рѣчь Вольфа и отзывы Земскихъ Чиновъ проникнуты сознаніемъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, съ одной стороны, и чувствомъ уваженія и довѣрія къ своему Великому Князю, съ другой. Несмотря на замѣчательное единодушіе всей народной массы, революціоннаго духа нѣтъ и въ поминѣ. На это обстоятельство многократно указывалось даже въ иностранной прессѣ. „Финляндія", говоритъ корреспондентъ „Daily Chronicle"**), „ни единымъ поступкомъ своимъ не заслужила своего наказанія. Ея народъ былъ лояленъ и доволенъ, и былъ бы однимъ изъ самыхъ счастливыхъ въ мірѣ, если бы не боязнь грядущаго. Нигилизма или революціи тамъ нѣтъ и слѣда, да и никогда не было. Финляндія — страна прогрессивная, преданная дѣлу просвѣщенія и насквозь проникнутая демократическимъ и миролюбивымъ духомъ... Она будетъ стерта съ лица земли не за грѣхи свои, а за добродѣтели". Совершенно то же констатируетъ одинъ компетентный финскій корреспондентъ въ письмѣ къ редактору „Finland"***). „Вѣрность монарху", говоритъ онъ, „глубоко проникла въ финскій національный характеръ и въ политическое міросозерцаіе народа. Мы ничего такъ не желаемъ, какъ того, чтобы тучи недоразумѣнія между монархомъ и народомъ разсѣялись и мы могли привѣтствовать нашего Государя, какъ истин-

*) Цитировано по „Finland", 25 іюня 1899 г.
**) „Daily Chronicle", 1 марта 1899 г.
***) „Finland", № 10, апрѣль 1900 г

наго друга своего народа, какъ энергическаго защитника нашихъ законовъ. Мы искренно преданы нашему Монарху и Императорскому Дому, подъ сѣнью котораго Финляндія процвѣтала, и мы обвинили бы всякаго, кто приписалъ бы недавнія мѣры чему-нибудь иному, кромѣ злонамѣренныхъ навѣтовъ на насъ... Быть можетъ, Императоръ въ настоящее время слишкомъ склоненъ слушаться окружающей его теперь реакціонной партіи, но мы не можемъ перестать надѣяться, что въ концѣ концовъ лучшіе совѣты возьмутъ верхъ". Этой надеждой на то, что царь когда-нибудь внемлетъ голосу народа, и объясняется подача массоваго адреса и множество другихъ не столь крупныхъ поступковъ.

Особенно энергичнымъ поборникомъ руссификаціи Финляндіи является генералъ Бобриковъ. До назначенія своего генералъ-губернаторомъ Финляндіи генералъ Бобриковъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ качествѣ руссификатора Прибалтійскаго края. На своемъ новомъ посту онъ сталъ употреблять прежніе пріемы и своими безчисленными придирками и притѣсненіями въ важныхъ и мелкихъ случаяхъ старался, повидимому, довести финляндцевъ до открытаго возмущенія. Было бы трудно перечислить всѣ тѣ поступки, которыми онъ старался раздражать терпѣливыхъ финляндцевъ. Такъ, напримѣръ, онъ ходатайствовалъ передъ военнымъ министромъ о запрещеніи оркестрамъ финскихъ полковъ играть національный финскій гимнъ и національные марши; сдѣлалъ однажды запросъ относительно того, правда ли, что на мѣстныхъ бѣгахъ въ одномъ городѣ вывѣшены были національные цвѣта Финляндіи и т. д.*)

Но особенно оскорбительно было для финляндцевъ введеніе Бобриковымъ шпіонской системы. Онъ рѣшилъ создать при

*) Вотъ еще два примѣра. Въ финляндскій сенатъ поступило требованіе отъ генералъ-губернатора пожаловаться епископу на нѣсколькихъ лютеранскихъ пасторовъ за то, что „въ нѣкоторыхъ лютеранскихъ церквахъ были сдѣланы неумѣстныя замѣчанія, не относящіяся къ христіанской проповѣди и касающіяся политическаго положенія Финляндіи". Одинъ изъ этихъ пасторовъ имѣлъ дерзость отвѣтить, что онъ не отвѣтственъ генералъ-губернатору за содержаніе своихъ проповѣдей и что, когда на него возводится обвиненіе, онъ имѣетъ право въ точности узнать составъ совершеннаго имъ проступка, равно какъ и имя обвинителя. — Къ управляющему одного Гельсингфорсскаго банка является посланецъ отъ Бобрикова. „Мнѣ поручено спросить васъ", начатъ онъ, „правда ли, что вчера флагъ на вашемъ банкѣ развѣвался на полумачтѣ?" — „Совершенно вѣрно", отвѣтилъ изумленный банкиръ, „я велѣлъ спустить флагъ на половину по случаю смерти президента палаты горожанъ". — „Но намъ говорили", замѣтилъ тогда агентъ, „что вашъ флагъ не былъ спущенъ по случаю смерти Великаго Князя". На это тотъ могъ лишь отвѣтить, что онъ ничего про это не знаетъ, такъ какъ тогда онъ какъ-разъ былъ въ отъѣздѣ.

себѣ постъ чиновника, „долгомъ котораго было бы, при помощи благонадежныхъ лицъ, наблюдать за событіями въ Великомъ Княжествѣ, дабы тѣмъ избѣгать и устранять недоразумѣнія“. Шпіоны не стѣснялись подкупать маленькихъ дѣтей на улицѣ съ тѣмъ, чтобы вывѣдать, что говорятъ ихъ родители у себя дома или ихъ учителя въ школѣ, а иногда прибѣгали къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Такъ, во время торжественнаго открытія памятника Александру II, котораго финляндцы высоко чтутъ, произошелъ слѣдующій случай: во время церемоніи внезапно возникла ссора между двумя солдатами, кончившаяся дракой; одинъ изъ нихъ былъ финскій солдатъ, другой русскій. Немедленно дано было знать полиціи, и при разслѣдованіи дѣла оказалось, что оба человѣка не что иное, какъ русскіе жандармы, переодѣтые одинъ въ русскій, другой въ финскій мундиръ, и получившіе приказаніе произвести безпорядки, для того, чтобы доказать „невѣрность“ Финляндіи.

Мы приведемъ здѣсь одинъ интересный фактъ, иллюстрирующій дѣятельность Бобрикова въ этомъ направленіи.

Почти одновременно съ февральскимъ манифестомъ стали по всей странѣ, но особенно по глухимъ деревнямъ, появляться какіе-то татарскіе продавцы и русскіе прасолы, которые между дѣломъ распространяли среди народа слухи о новой эрѣ, долженствующей въ скоромъ времени наступить въ Финляндіи, когда налоги будутъ сняты, земля у помѣщиковъ выкуплена и подѣлена между крестьянами и, словомъ, когда безземелье станетъ воспоминаніемъ прошлаго. Но финляндцы скоро поняли, въ чемъ дѣло. Немедленно было основано нѣсколько обществъ при участіи высшей интеллигенціи страны, и повсюду стали разъѣзжать лекторы и распространяться листки, брошюры и пр., съ объясненіемъ настоящаго положенія дѣлъ въ Финляндіи и Россіи, истолкованіемъ смысла распускаемыхъ слуховъ и изложеніемъ основныхъ законовъ страны. Это оказало значительное противодѣйствіе агитаціи провокаторовъ; но такъ какъ вліяніе этихъ обществъ все-таки было медленное, то приняты были болѣе энергическія мѣры. Иниціативу взяли на себя нѣкоторые приходы, которые постановили выдавать изъ имѣющихся у нихъ въ распоряженіи суммъ по 50 марокъ за поимку агитатора на мѣстѣ преступленія и наказывать штрафомъ всякаго, укрывающаго этихъ людей, либо не доносящаго на нихъ. Дѣйствіе этого постановленія было

магическое: черезъ нѣсколько дней всѣ провокаторы въ странѣ, въ числѣ 300 человѣкъ, уѣхали въ Петербургъ однимъ и тѣмъ же поѣздомъ.

Тогда Бобриковъ рѣшилъ уничтожить тѣ самыя общества „Распространенія образованія въ народѣ“, которыя въ данномъ случаѣ были виновны въ его неудачѣ. Онъ поспѣшилъ въ Петербургъ и добился отъ царя резолюціи о „нежелательности, въ виду безпокойнаго состоянія страны, основанія новыхъ обществъ вплоть до 1901 года“. Другими словами, отнынѣ, прежде чѣмъ основать общество, лица, заинтересованныя въ немъ, обязаны выхлопотать разрѣшеніе у генералъ-губернатора и утвержденіе имъ устава. Въ противномъ случаѣ, оно нелегально. Этимъ нанесенъ былъ новый ударъ одной изъ основныхъ вольностей Финляндіи, допускавшей свободу ассоціаціи въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Но этого мало. Много обществъ, нежелательныхъ для русскаго правительства, уже было основано,—и вотъ въ различныя учрежденія — въ томъ числѣ и сенатъ — разсылаются циркуляры за подписью помощника генералъ-губернатора Шипова съ требованіемъ „употребить всѣ старанія, чтобы положить предѣлъ дѣятельности многихъ обществъ и частныхъ лицъ, разъѣзжающихъ по Финляндіи и подстрекающихъ народъ къ неповиновенію мѣропріятіямъ верховнаго правительства“.

Естественно, что преслѣдованіями обществъ гоненіе на свободное слово не ограничивается. Въ самое послѣднее время Бобриковъ, при посредствѣ министра-секретаря Плеве, представилъ на утвержденіе царя законъ, запрещающій всякія публичныя собранія, сборища, рѣчи и пр. безъ спеціальнаго всякій разъ разрѣшенія генералъ-губернатора. Это опять-таки есть нарушеніе законодательной процедуры, — тѣмъ болѣе яркое, что вопросъ тутъ уже рѣшительно мѣстный, финляндскій; но царь этотъ законъ утвердилъ, и теперь онъ поступилъ на „заключеніе“ Земскихъ Чиновъ. Будущее покажетъ, станетъ ли это новое посягательство на финляндскую свободу формальнымъ закономъ; но для своей дѣйствительности оно въ этомъ не нуждается, какъ это показала практика послѣдняго года. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ имѣлъ, напримѣръ, мѣсто такой случай. Одинъ извѣстный финляндецъ, бывшій сенаторъ, проѣздомъ въ сосѣднее свое имѣніе остановился въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ былъ приглашенъ тремя своими пріятелями на обѣдъ въ клубѣ.

Спустя нѣсколько дней городскія власти получаютъ отъ генералъ-губернатора посланіе, въ которомъ у нихъ требуютъ дать объясненіе по поводу „демонстративнаго“ обѣда, даннаго публикою заѣзжему гостю.

Но особеннымъ гоненіямъ Бобрикова подверглась журнальная литература. Пресса въ Финляндіи, какъ и во всякой другой культурной странѣ, имѣетъ большое общественное значеніе, и естественно, что она сдѣлалась предметомъ нападокъ со стороны генералъ-губернатора. Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, въ Финляндіи въ началѣ 1899 года выходило больше 200 періодическихъ изданій, изъ коихъ лишь 70 носили политическій характеръ, а остальныя представляли журналы для семейнаго чтенія, для самообразованія и проч. Но такіе размѣры прессы нисколько не смутили Бобрикова, тѣмъ болѣе, что онъ могъ дѣйствовать, повидимому, на законномъ основаніи. Финляндская пресса никогда не была вполнѣ свободною: она всегда подлежала предварительной цензурѣ и могла подвергаться предостереженіямъ и закрытіямъ; но какъ мало сравнительно цензурный уставъ имѣлъ для нея значенія, видно отчасти изъ самаго роста ея за послѣдніе годы, отчасти изъ того факта, что за все время своего существованія она лишь разъ подверглась тяжелой карѣ, а именно, въ 1891 году, когда былъ закрытъ одинъ журналъ. Однако, съ появленіемъ Бобрикова, а въ особенности со времени изданія февральскаго манифеста, дѣла сразу приняли иной оборотъ. Предостереженія послѣдовали одно за другимъ, а пріостановки, не считая закрытій изданій навсегда, насчитали въ теченіе восьми мѣсяцевъ, съ апрѣля по ноябрь 1899 года, 26 случаевъ, распредѣленныхъ между 16-тью газетами и составляющихъ въ общей суммѣ срокъ въ 3 ½ года. Города и даже цѣлыя мѣстности часто остаются безъ газетъ, какъ это было, напримѣръ, въ Куопіо, гдѣ одна изъ двухъ имѣвшихся тамъ ежедневныхъ газетъ была прикрыта навсегда, а другая была пріостановлена на четыре мѣсяца. Принимая во вниманіе, что газеты въ Финляндіи, въ особенности среди крестьянства, составляютъ предметъ насущной необходимости, такъ какъ только изъ нихъ читатели черпаютъ свои свѣдѣнія о различныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ и о тѣхъ или другихъ вопросахъ, касающихся мѣстныхъ интересовъ, можно понять, какимъ тяжелымъ лишеніемъ является для нихъ исчезновеніе

печатнаго органа. Разумѣется, поводы для прекращенія газеты постоянно бывали самые незначительные. Единственная газета въ Нанго, небольшомъ, но довольно бойкомъ порту, была закрыта за то, что помѣстила статью о сравнительномъ правовомъ положеніи прессы въ Финляндіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Вообще, кругъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ печати, чрезвычайно суженъ. Вскорѣ послѣ выхода царскаго манифеста Бобриковъ обратился ко всѣмъ цензорамъ съ циркуляромъ, въ которомъ предлагалъ имъ не допускать къ печатанію никакихъ статей, идущихъ въ разрѣзъ съ буквою и духомъ монаршей воли. Разумѣется, это еще болѣе затруднило положеніе редакторовъ и издателей. Мало того, когда депутація изъ 15-ти крестьянъ Куопіо явилась къ генералъ-губернатору съ просьбою разрѣшить выходъ пріостановленныхъ газетъ, онъ имъ откровенно отвѣтилъ, что врядъ ли сможетъ исполнить ихъ просьбу, а если сможетъ, то лишь на томъ условіи, чтобы газеты перестали касаться политическихъ вопросовъ. Въ случаѣ запрещенія какой-нибудь статьи, газеты потеряли даже право сообщать объ этомъ своимъ читателямъ, хотя бы путемъ выставленія точекъ или пустыхъ столбцовъ. Послѣдніе должны быть заполнены „обыкновеннымъ текстомъ“, и когда одна небольшая газета пополнила было пробѣлъ біографіей Гуттенберга, цензоръ возвратилъ корректуру зачеркнутою съ резолюціей: „Обыкновенный текстъ! Пожалуйста, безъ демонстрацій“! Точно также воспрещается выпускъ летучихъ листковъ или брошюръ, къ которымъ часто прибѣгали раньше пріостановленныя газеты: по распоряженію генералъ-губернатора, срокъ пріостановки долженъ считаться со времени появленія послѣдняго листка.

Но помимо этихъ явныхъ мѣръ, Бобриковъ прибѣгалъ къ тайнымъ и потому болѣе зловреднымъ средствамъ. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего удаленіе изъ цензурнаго комитета всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не сочувствовали планамъ генералъ-губернатора *). Затѣмъ вводится практика подставныхъ редакторовъ, которая небезызвѣстна и въ самой Россіи: владѣльцу

*) Такой характеръ носитъ „выходъ въ отставку“ предсѣдателя цензурнаго комитета Каландера и замѣщеніе его графомъ Кронгельмомъ, также финляндцемъ, не получившимъ образованіе въ Россіи. Фактическимъ, однако, хозяиномъ прессы является ген. Шиповъ, товарищъ генералъ-губернатора.

газеты „предлагается“ удалить прежняго редактора и принять новаго; въ противномъ случаѣ ему угрожаютъ пріостановкой изданія *). Далѣе, стали перехватывать письма въ редакцію и извращать телеграфныя извѣстія; послѣднее дошло до такихъ размѣровъ, что союзъ финляндскихъ журналистовъ единодушно рѣшилъ не подписываться болѣе на телеграммы Русскаго Телеграфнаго Агентства. Наконецъ, основывается „*Финляндская Газета*“ на русскомъ, т. е. незнакомомъ публикѣ языкѣ, съ цѣлью противодѣйствовать одностороннему вліянію мѣстной прессы. Такъ какъ въ Финляндіи найти редактора для этого органа было невозможно, то его пришлось выписать изъ Россіи въ лицѣ г. Баженова, одного изъ сотрудниковъ „*Свѣта*“; а такъ какъ газета не могла существовать на свои собственныя средства, то, по приказу русскаго правительства, финляндскій сенатъ вынужденъ былъ ассигновать 30 тысячъ марокъ единовременно на устройство типографіи и еще 30 тысячъ въ видѣ ежегодной субсидіи.

Финляндскіе литераторы и журналисты старались защитить себя отъ всѣхъ этихъ крутыхъ мѣръ. Такъ они устроили пенсіонный фондъ для пострадавшихъ литераторовъ; попытались даже сорганизовать взаимное общество страхованія журналистовъ и собственниковъ газетъ отъ убытковъ, причиняемыхъ цензурными строгостями. Послѣдній проектъ былъ довольно остроумный; но сенатъ, подъ давленіемъ Бобрикова, отказался его утвердить, ссылаясь на то, что осуществленіе его парализовало бы дѣйствіе цензурныхъ каръ, что было бы равносильно обходу закона. Въ самое послѣднее время въ сеймъ поступила петиція объ улучшеніи правового положенія прессы. „На основаніи высказанныхъ соображеній“, — говорится тамъ между прочимъ, — „равно какъ и желанія каждаго гражданина страны видѣть начало свободной печати прочно установившимся, нашимъ первоначальнымъ намѣреніемъ было просить сеймъ о внесеніи въ ближайшую сессію спеціальнаго закона о печати; но такъ какъ настоящій моментъ едва ли удобенъ для представленія подобной петиціи, то мы рѣшили просить лишь о томъ, чтобы земскіе чины присоединились къ всеподданнѣйшей петиціи Его Величеству, прося его соблаговолить такъ измѣнить нынѣ дѣйству-

*) Такая участь, напр., постигла двѣ гельсингфорсскія газеты, которыя получили приказаніе перемѣнить редакцію въ теченіе двухъ недѣль.

ющій уставъ о печати, чтобы безъ законнаго суда редакторы и собственники газетъ не могли быть лишены, временно или навсегда, своихъ средствъ къ жизни“ *).

Для успѣшнаго проведенія всевозможныхъ суровыхъ мѣропріятій, очевидно, необходимо было начать съ измѣненія состава служебнаго персонала и различныхъ учрежденій Финляндіи. Сюда относится, прежде всего, назначеніе Плеве на постъ министра-секретаря. По финляндской конституціи, всѣ административные посты, кромѣ генералъ-губернаторскаго, должны быть заняты туземцами, и должность министра-секретаря, являющагося докладчикомъ и посредникомъ между финскими представительными учрежденіями и царемъ, не составляетъ исключенія. Нѣсколько лѣтъ она оставалась незанятою, и ее временно исполнялъ товарищъ министра-секретаря ген. Прокопе. Естественно было ожидать, что онъ, наконецъ, займетъ ее въ дѣйствительности; но царь рѣшилъ иначе: Прокопе обошли, и на постъ назначенъ былъ извѣстный финнофобъ Плеве, состоявшій членомъ той самой комиссіи, которая выработала февральскій манифестъ. Этимъ былъ нарушенъ одинъ изъ важнѣйшихъ параграфовъ финскаго государственнаго уложенія. Прокопе вышелъ въ отставку, и его мѣсто занялъ графъ Армфельдтъ, тоже руссофилъ.

Къ этой же категоріи относится и инцидентъ съ Вольфомъ, о которомъ мы уже упоминали, хотя непосредственно дѣйствующимъ лицомъ явилось въ данномъ дѣлѣ британское правительство. Какъ сказано было, г. Вольфъ состоялъ британскимъ консуломъ тринадцать лѣтъ и за все время ни разу не подалъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію въ Петербургѣ. Но вотъ, 14 сентября онъ получаетъ отъ генеральнаго консула г. Митчелля слѣдующее заявленіе отъ британскаго посла сэра Чарльза Скотта: „Генералъ-губернаторъ Финляндіи обратилъ вниманіе императорскаго правительства на дѣйствіе г. Вольфа, британскаго

*) Вотъ что, между прочимъ, пишетъ корреспондентъ „Daily Chronicle“ для характеристики отношеній Финляндской публики къ гоненіямъ на ея прессу: „Я присутствовалъ при демонстраціи, происшедшей передъ зданіемъ „Paivalecti“, одной изъ прекращенныхъ газетъ. На улицѣ собралась большая толпа, пѣвческіе хоры Гельсингфорса пѣли національные гимны и кричали „ура“ редактору. Толпа вела себя такъ, какъ ни одна другая, которую я когда-либо видалъ, и присутствующая тутъ же многочисленная жандармерія не имѣла ни малѣйшей возможности кого-либо арестовать. Позднѣе, нѣсколько сотъ человѣкъ собрались около статуи Рунеберга, поэта-патріота Финляндіи, и съ открытыми головами пропѣли свой народный гимнъ.“

вице-консула въ Выборгѣ, который обвиняется ген. Бобриковымъ въ томъ, что онъ участвуетъ въ политической агитаціи Великаго Княжества и критикуетъ въ публичныхъ рѣчахъ поступки императорскаго правительства.“ Это, продолжаетъ посолъ, несовмѣстимо съ званіемъ представителя британскаго королевства, а потому генеральному консулу, по приказанію лорда Сольсбери, поручается потребовать отъ г. Вольфа объясненія.

Черезъ два дня Вольфъ отправилъ свои объясненія. „Имѣю честь заявить“, говоритъ онъ въ своемъ письмѣ, „что въ странѣ не происходитъ никакой агитаціи, и я поэтому категорически отрицаю свое участіе въ несуществующемъ движеніи. Правда, что во всей странѣ, во всѣхъ классахъ общества существуетъ чувство безпокойства и скорби, вызванное февральскимъ манифестомъ... Но это чувство не есть плодъ агитаціи. Нѣтъ надобности въ такой агитаціи тамъ, гдѣ каждый сознаетъ свои права и льготы и понимаетъ, что манифестъ равносиленъ отмѣнѣ унаслѣдованной конституціи... Но если единодушныя убѣжденія цѣлаго народа и его ежедневно повторяющійся протестъ противъ нарушенія его конституціи—этого краеугольнаго камня его соціальнаго зданія — составляютъ политическую агитацію, то каждый человѣкъ въ этой странѣ является агитаторомъ и будетъ продолжать быть таковымъ, покуда манифестъ, послужившій причиною возбужденія, не будетъ отмѣненъ“. Объяснивъ затѣмъ, въ чемъ заключалось его участіе въ движеніи — онъ былъ въ отсутствіе свое выбранъ выборгскимъ представителемъ въ депутаціи 500 — Вольфъ заканчиваетъ: „Я позволю себѣ почтительнѣйше указать на то, что, беря на себя честь консульской должности Великобританіи, я тѣмъ самымъ не отказывался отъ своихъ правъ и обязанностей гражданина моей страны. Если исполненіе моихъ обязанностей не совмѣстимо съ моимъ положеніемъ британскаго вице-консула, то я имѣю честь вернуть эту должность, которую я занималъ 13 лѣтъ, въ распоряженіе правительства Ея Величества.“

Какъ это ни странно, но въ тотъ самый день, когда Вольфъ отправилъ это письмо, и еще до того, какъ оно успѣло прибыть въ Петербургъ, онъ получилъ телеграмму отъ Митчелля, въ которой послѣдній извѣщаетъ его, что „его отставка принята“! Г. Вольфъ на слѣдующій день отвѣтилъ: „Ваша телеграмма съ извѣстіемъ, что моя отставка принята еще до того, какъ я

ее подалъ, и до того, какъ дошли до Васъ мои объясненія по поводу обвиненія въ политической агитаціи, возведеннаго на меня ген. Бобриковымъ, была доставлена мнѣ вчера утромъ. Я вполнѣ оцѣниваю этотъ деликатный поступокъ послѣ тринадцатилѣтней консульской службы и теперь жду Вашихъ инструкцій относительно того, кому передать должность."

Этотъ инцидентъ вызвалъ цѣлую бурю. Немедленно остальные 12 британскихъ вице-консуловъ, принадлежавшіе къ финской національности, подали въ отставку, мотивируя свой поступокъ политическимъ единомыслiемъ съ г. Вольфомъ, и послѣдній, послѣ ряда публичныхъ манифестацій, былъ единодушно выбранъ выборгскимъ представителемъ на сеймъ 1900 г. На его мѣсто, въ качествѣ консула, былъ, говорятъ, назначенъ, за отсутствіемъ кандидатовъ изъ финляндцевъ, нѣкто Анненковъ, бывшій цензоръ по русской и французской литературѣ въ С.-Петербургѣ. „Каждый честный англичанинъ", говоритъ по этому поводу „Вестминстерская Газета", „долженъ почувствовать стыдъ и негодованіе".

Дальнѣйшія мѣры въ дѣлѣ удаленія финскихъ элементовъ изъ служебнаго персонала направились противъ губернаторовъ. Бобриковъ при всякомъ случаѣ давалъ имъ понять, что ихъ отставка была бы очень желательна. „Московскія Вѣдомости" прямо заявили, что ихъ слѣдуетъ замѣнить коренными русскими, „за невозможностью найти среди финляндцевъ лицъ, готовыхъ приводить въ исполненіе предначертанія высшаго правительства". До сихъ поръ, однако, ничего не удалось сдѣлать въ этомъ направленіи, кромѣ какъ уволить выборгскаго губернатора ген. Гриппенберга за то, что тотъ разоблачилъ тайны адреса за семью подложными подписями, которыя Бобриковъ думалъ представить въ противовѣсъ упомянутому выше массовому адресу.

Укажемъ еще на нѣсколько мѣропріятій Бобрикова въ другихъ областяхъ. Такъ, въ сферѣ образованія мы имѣемъ попытку посягнуть на національный характеръ Гельсингфорсскаго университета въ видѣ назначенія Плеве на постъ канцлера, что противорѣчитъ существовавшему до сихъ поръ обычаю, въ силу котораго номинальнымъ канцлеромъ состоялъ всегда наслѣдный Великій Князь, а фактическимъ какой-нибудь финляндецъ. Далѣе, укажемъ на проектъ реорганизаціи финляндскаго Фридрикстам-

скаго кадетскаго корпуса, извѣстный читателямъ изъ русскихъ газетъ. По проекту, этотъ кадетскій корпусъ подчиняется главному управленію военно-учебныхъ заведеній и, какъ высшей инстанціи, военному министру; непосредственное же наблюденіе и руководство возлагается на обязанность генералъ-губернатора. Въ немъ вводится преподаваніе на русскомъ языкѣ (впрочемъ, какъ временная мѣра, если окажется необходимымъ, будетъ допущенъ и финскій языкъ). Въ этомъ корпусѣ предполагаются только общіе классы, такъ что спеціальное военное образованіе прійдется получать въ одномъ изъ военныхъ училищъ Россіи. Изъ 200 вакансій половина будетъ предоставлена ученикамъ русскаго происхожденія. По программѣ своей фридриксгамскій кадетскій корпусъ будетъ представляться общимъ средне-учебнымъ заведеніемъ принятаго у насъ въ Россіи типа, а слѣдовательно, кореннымъ образомъ отличающимся отъ финляндской средней школы; конечно, онъ скоро порветъ всякую внутреннюю связь со страной, обоснованную на подробномъ изученіи ея историческаго прошлаго, культурныхъ задачъ, особенностей народнаго быта и политической организаціи, — и будетъ однимъ изъ факторовъ руссификаціи Финляндіи.

Дальнѣйшимъ преобразованіемъ въ томъ же направленіи является отмѣна собственно финляндскихъ почтовыхъ марокъ. Еще въ 1890 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, безъ всякаго повода и вопреки точной буквѣ финляндскаго уложенія, обратился къ финскому сенату съ запиской о томъ, что онъ беретъ на себя право дѣлать время отъ времени нѣкоторыя измѣненія въ почтовыхъ правилахъ Финляндіи. Этотъ совершенно самовольный поступокъ крайне поразилъ тогда финскую публику; но такъ какъ онъ не повелъ за собою никакихъ послѣдствій, то объ инцидентѣ совершенно было забыли. Девять лѣтъ спустя, это министерское распоряженіе снова появилось на свѣтъ: 9 августа 1899 г. сенатъ былъ извѣщенъ, что съ января будущаго года для заграничной корреспонденціи введены будутъ русскія почтовыя марки, а съ іюня — также и для внутренней. Насколько извѣстно, однако, приведеніе этой угрозы въ исполненіе было почему-то отстрочено на время.

Наконецъ, поговариваютъ уже объ отмѣнѣ спеціальнаго финляндскаго таможеннаго тарифа и о сліяніи финляндской монетной системы съ русской.

Во второй половинѣ января въ Гельсингфорсѣ былъ открытъ Сеймъ. Мы не будемъ приводить здѣсь тронной рѣчи *), которая безъ сомнѣнія извѣстна читателямъ изъ русскихъ газетъ. Но мы передадимъ только отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ въ видѣ отвѣта предсѣдателями палатъ. Какъ читатель увидитъ, онѣ всѣ вращаются около одного и того же наболѣвшаго вопроса о политическомъ будущемъ Финляндіи и всѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же чувствомъ скорби и лояльности.

„Благотворное значеніе работъ, предпринятыхъ правительствомъ и самимъ народомъ черезъ посредство своихъ представителей, доказывается прогрессомъ, который можно замѣтить во всѣхъ областяхъ соціальной жизни страны, отраднымъ развитіемъ народныхъ школъ и другихъ воспитательныхъ учрежденій, равно какъ и путей сообщенія, земледѣлія, торговли и промышленности, — развитіемъ, которое при другихъ обстоятельствахъ было бы почти немыслимо. Точно такъ же научился финскій народъ понимать значеніе автономіи, въ которой онъ видитъ условіе своего существованія и черезъ которую онъ чувствуетъ себя связаннымъ сильнѣйшими узами благодарности и преданности съ высокопоставленными своими покровителями, милостиво защищавшими и сохранявшими самое драгоцѣнное его сокровище — конституцію и оберегавшими свободу, унаслѣдованную отъ предковъ.

„Подъ впечатлѣніемъ этихъ воспоминаній и чувствъ и съ полнымъ сознаніемъ, что финскій народъ ничѣмъ не заслужилъ потери торжественно обѣщанныхъ ему правъ, мы отказываемся оставить надежду, что черная туча, съ нѣкоторыхъ поръ нависшая надъ дорогой нашей Финляндіей и возбудившая по всей странѣ сильнѣйшее безпокойство и ужасъ, когда-нибудь съ Божьей помощью разсѣется...“

„Господь“, говоритъ архіепископъ въ палатѣ духовенства, „далъ финскому народу страну тысячи озеръ. Здѣсь этотъ народъ

*) Мы однако напомнимъ читателю ея заключеніе: „Предстоящая вамъ работа требуетъ основательнаго практическаго обсужденія предложенныхъ вамъ вопросовъ. Никакія выраженія мнѣній, выходящія изъ рамокъ этихъ вопросовъ и касающіяся предметовъ обще-государственнаго значенія, не могутъ быть дозволены. Выраженіе подобныхъ мнѣній на прошломъ чрезвычайномъ сеймѣ внушило умамъ народа серьезныя и неосновательныя опасенія. Повтореніе этого теперь заставитъ сомнѣваться, возможно ли при теперешнихъ условіяхъ законодательство съ участіемъ Земскихъ Чиновъ.“ (Цитируемъ по англійскому тексту.) Какъ читатель увидитъ ниже, Земскіе Чины не остановились передъ этой угрозой.

трудился въ теченіе сотенъ лѣтъ. Въ хижинѣ бѣдняка, какъ и во дворцѣ богатаго, ежедневно возсылались молитвы за правителя и отечество. И Господь даровалъ свое благословеніе. Финскій народъ развился въ тишинѣ и даже понесъ культуру дальше на сѣверъ, чѣмъ какой-либо другой на землѣ.

„Народъ Финляндіи считаетъ за особый даръ Господа то, что Александръ I въ началѣ столѣтія подтвердилъ конституцію и законы, соотвѣтствующіе народному характеру и условіямъ страны, тѣмъ самымъ признавъ свободу, лежащую въ основѣ этихъ законовъ.

„Свобода издавать для себя законы существенно необходима финскому народу. Въ его непрерывной борьбѣ съ сѣвернымъ климатомъ одно какое-нибудь узаконеніе, не соотвѣтствующее нуждамъ націи, можетъ распространить разореніе среди земледѣльческаго населенія.“

„Въ теченіе вѣковъ“, говоритъ предсѣдатель палаты горожанъ, „считалось неопровержимымъ, что „страна должна быть построена на законѣ“. Святость и ненарушимость закона такъ же крѣпко сидятъ въ сознаніи финскаго народа, какъ и вѣра въ Бога, правящаго судьбами людей. Законъ стоитъ выше всего и долженъ защищать всѣхъ безъ различія. Передъ нимъ должны преклоняться всѣ, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. И, благодаря праву народа участвовать въ законодательствѣ, законъ сросся съ народнымъ сознаніемъ о справедливости и сталъ точнымъ ея выраженіемъ...

„Всякій, кто знакомъ съ исторіей и чувствами нашего народа, долженъ знать, что сближеніе съ Россіей покоится на довѣріи, уваженіи и ясномъ пониманіи того, что наиболѣе полезно странѣ. Невозможно найти лучшей почвы для союза двухъ націй подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ.

„Великія имперіи, какъ и небольшія общины, покоятся лишь на высокихъ началахъ права и справедливости. Оттого всякое мѣропріятіе, которое такъ или иначе разрушаетъ основы того права, на которомъ зиждется финское государство, и въ особенности, изданіе или измѣненіе закона инымъ способомъ, чѣмъ такимъ, какой предписывается конституціей, грозитъ нарушить спокойное и мирное развитіе страны и ея довѣріе къ Россіи. Стѣснительный надзоръ надъ лояльными гражданами, никогда не питавшими никакихъ мыслей о безпорядкахъ; усиленіе цен-

зурнаго режима до фактическаго лишенія періодической печати охраны закона; подавленіе освященныхъ временемъ гражданскихъ правъ, которыми никогда не злоупотребляли, — всѣ такія мѣры, основанныя на недовѣріи или недоразумѣніи и, навѣрное, противорѣчащія милостивымъ намѣреніямъ Его Величества, не могутъ, конечно, возбудить ни сочувствія, ни довѣрія. Такая политика можетъ скорѣе развязывать, чѣмъ связывать.

„Съ тяжелымъ сердцемъ финскій народъ прожилъ истекшій годъ, полный различныхъ ожиданій, и палата горожанъ сочла своимъ долгомъ вѣрности монарху передать мнѣніе страны, увѣренная, что выраженіе довѣрія, правды и покорности законамъ всегда будетъ имѣть на своей сторонѣ одобреніе Его Величества.“

„Палата крестьянъ“, говоритъ ея предсѣдатель, „стоящая наиболѣе близко къ той части населенія, въ матеріальныхъ и духовныхъ условіяхъ которой больше всего существуетъ пробѣловъ, взяла на себя въ прошломъ году на чрезвычайномъ сеймѣ, вмѣстѣ съ другими сословіями, двойную тягость воинской повинности, окончательное разрѣшеніе вопроса о которой нынѣ ожидается націей съ безпокойствомъ. Палата крестьянъ взяла на себя это тяжелое бремя въ увѣренности, что свободная конституція останется попрежнему въ силѣ, и что собранія Земскихъ Чиновъ черезъ небольшіе промежутки будутъ продолжать развивать наши экономическіе ресурсы, чтобы мы могли нести воинскую тяготу. Эта увѣренность покоилась на томъ фактѣ, что нашъ милостивый монархъ самъ заявилъ, что всѣ народы подъ его властью должны быть предметомъ его заботъ.

„Вѣрность Финляндіи своему Государю и Имперіи, съ которой она соединена, никогда не была нарушена. Исторія записала на своихъ скрижаляхъ формы, обезпечившія нашу индивидуальность, — формы, которыя Финляндія считаетъ священнымъ краеугольнымъ камнемъ своего соціальнаго и политическаго зданія...“

Въ отвѣтъ на эти рѣчи царь, согласно иностранной прессѣ, въ рескриптѣ на имя генералъ-губернатора предложилъ ему принять энергическія мѣры къ выясненію передъ Земскими Чинами истиннаго смысла мѣропріятій, разсчитанныхъ на укрѣпленіе узъ, которыя соединяютъ Имперію съ Великимъ Княжествомъ“.

Для финскаго народа, такимъ образомъ, остается мало надежды на лучшее будущее. Предвидя печальный конецъ, многіе уже заранѣе покидаютъ свою родину. Отъ рекрутскихъ наборовъ въ 1899 г. эмигрировало болѣе 16 тысячъ молодыхъ людей, т. е. столько же, сколько въ пятилѣтіе 1893—1898 г., и въ нѣкоторыхъ деревняхъ не осталось уже ни одного кандидата въ рекруты. Поговариваютъ даже о массовомъ выселеніи въ Канаду съ цѣлью основать Новую Финляндію и комиссаръ тамошняго правительства уже пріѣзжалъ въ Англію уславливаться съ пароходными обществами насчетъ пониженныхъ провозныхъ тарифовъ.

Всѣ вышеописанныя событія представляютъ, по словамъ Times'a*), „яркій примѣръ столкновенія между правомъ и силою. Независимое конституціонное положеніе Великаго Княжества Финляндскаго внѣ всякаго спора. Когда эта страна была оторвана въ 1809 г. отъ Швеціи и присоединена къ русской имперіи, то по многимъ причинамъ считалось необходимымъ дать ей самоуправленіе, и Императоръ Александръ I особенно заботился о ея мирномъ развитіи. За послѣдніе годы не произошло ничего такого, что оправдывало бы отнятіе или хотя бы ограниченіе привилегій, дарованныхъ финляндцамъ царями. Финляндія не переставала быть лояльной, и русское правительство не разъ воздавало должное ея мирному процвѣтанію. Она охотно и регулярно снабжала русскую армію своими солдатами; она уплачивала государственному казначейству свою долю налоговъ для обще-государственныхъ расходовъ. Финляндцы въ правѣ спросить, чѣмъ они вызвали новую политику, которая такъ неожиданно разрушила ихъ безвредныя мѣстныя вольности и конституціонныя гарантіи, подтвержденныя всѣми царями со времени Александра I, — всѣ тѣ привилегіи, на которыя они привыкли смотрѣть, какъ на свое неотъемлемое право.

„Смѣлое отстаиваніе финляндцами своихъ конституціонныхъ правъ, гарантированныхъ торжественнымъ ручательствомъ перваго Великаго Князя Финляндіи и подтвержденныхъ нѣсколько разъ его преемниками, не можетъ произвести въ настоящее время никакого вліянія на русскую правительственную бюрократію и въ состояніи встрѣтить лишь презрѣніе съ ея стороны. Трудно ожидать, чтобы неограниченный самодержецъ измѣнилъ самому

*) „Times", 18 апрѣля 1900 г.

себѣ и почувствовалъ симпатію къ конституціонному государству, входящему въ составъ его деспотической монархіи. Но все-же этотъ протестъ имѣетъ нравственную силу, хотя бы нынѣшнимъ финляндцамъ, видящимъ въ дружной, единодушной защитѣ своихъ вольностей священный долгъ, и не удалось въ теченіе своей жизни отстоять свое право.“

Извѣстный англійскій профессоръ Westlake замѣчаетъ*): „если царь не возьметъ назадъ своего манифеста, пока финляндцы остаются еще лояльными по отношенію къ своему монарху, всей Европѣ придется увидѣть еще одинъ примѣръ пагубныхъ послѣдствій низверженія старинной конституціи и попытки основать новый порядокъ на штыкахъ. Всѣ знаютъ, какъ опасны такіе эксперименты.“

„Мы не понимаемъ той государственной мудрости“, говоритъ финляндская газета „Nya Pressen“**), „когда стараются создать у самыхъ воротъ русской столицы, вмѣсто процвѣтающей Финляндіи, довольной и благодарной за свой жребій, опустошенную провинцію, гдѣ чувство ненависти и озлобленія горѣло бы въ сердцахъ населенія. Такой государственной мудрости мы не понимаемъ: исторія учитъ насъ, что преступленія народовъ, точно такъ же какъ и отдѣльныхъ лицъ, взвѣшиваются на вѣсахъ вѣчнаго правосудія, и что каждая несправедливость сильнаго по отношенію къ слабому влечетъ за собой, какъ свое послѣдствіе, кару въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.“

---

*) Въ статьѣ „The Case of Finland“, помѣщенной въ журналѣ „The National Review“, въ мартѣ 1900 г.

**) „Nya Pressen“, № 292, 27 октября 1898 г.

ПО ПОВОДУ ФИНЛЯНДСКАГО РАЗГРОМА.

Какъ читатель могъ замѣтить, сообщенныя въ настоящей брошюрѣ событія освѣщены съ самой умѣренной точки зрѣнія, раздѣляемой всѣми, кто, хотя и признавая авторитетъ государственнаго начала, въ то же время требуютъ со стороны государственной власти примѣненія нѣкоторыхъ элементарнѣйшихъ нравственныхъ принциповъ правдивости, добросовѣстности, вѣрности данному слову и т. п. Разница между этимъ взглядомъ и тѣмъ, котораго придерживается русское самодержавіе, заключается въ томъ, что послѣднее считаетъ себя въ правѣ не только безконтрольно распоряжаться судьбами русскаго народа, но и столь же своевольно хозяйничать въ области общечеловѣческихъ чисто нравственныхъ понятій, превращая, когда это представляется нужнымъ въ государственныхъ интересахъ, по высочайшему повелѣнію, обманъ въ истину, вѣроломство въ честность, клятвопреступленіе въ благоговѣйное исполненіе „завѣщанныхъ державныхъ предначертаній“ и т. д.

Съ своей стороны мы не считаемъ нужнымъ ничего прибавить къ уже сказанному въ смыслѣ оцѣнки описанныхъ здѣсь событій, принимая въ соображеніе, что, если даже при взглядахъ, болѣе умѣренныхъ, нежели наши, такія дѣйствія русскаго правительства признаются незаконными и безчестными, то намъ нѣтъ никакой надобности доказывать то же самое съ нашей точки зрѣнія, болѣе радикальной и потому убѣдительной для меньшаго числа нашихъ читателей.

Но зато, присутствуя при этихъ возмутительныхъ событіяхъ, мы невольно себя спрашиваемъ, не налагаетъ ли на насъ самихъ каждое подобное новое преступленіе русскаго правительства какихъ-либо нравственныхъ обязательствъ, не достаточно еще ясно нами сознаваемыхъ? Что русское правительство поступаетъ съ Финляндіей вѣроломно и подло, въ этомъ, разумѣется, могутъ усумниться развѣ только пропитанные понятіями азіатскихъ сатраповъ наши генералы и чиновники. Но вѣдь, поступая такъ, оно только остается вѣрнымъ самому себѣ, и ничего другого нельзя было отъ него ожидать. Для насъ, въ этомъ случаѣ, вопросъ вовсе не исчерпывается обличеніемъ лишній разъ гнилого учрежденія, почти всѣ проявленія котораго намъ,

къ сожалѣнію, постоянно приходится осуждать. Гораздо важнѣе для насъ вопросъ о томъ, не дѣлаетъ ли насъ нашъ собственный образъ жизни такъ или иначе солидарными съ тѣмъ самымъ правительствомъ, которое мы беззаботно бранимъ, какъ нѣчто совершенно отъ насъ обособленное?

И въ самомъ дѣлѣ, если русская государственная власть имѣетъ возможность совершать всѣ тѣ безобразія, которыя насъ такъ возмущаютъ, то это единственно благодаря поддержкѣ, оказываемой ей окутанными душевнымъ мракомъ народными массами, и равнодушію эгоистически оберегающаго свое привилегированное положеніе образованнаго общества. Если бы не было этой глупой поддержки съ одной стороны и этого постыднаго равнодушія съ другой, то правительству, волей-неволей, пришлось бы видоизмѣнить свой режимъ, приспособляясь къ требованіямъ народа и общества.

А потому, откладывая въ сторону всякое самолюбіе, мы, по справедливости, вынуждены признать, что наша собственная доля нравственной отвѣтственности во всей вообще дѣятельности русскаго правительства, дѣйствительно, гораздо значительнѣе, нежели мы привыкли думать или склонны допустить.

Что же касается, въ частности, вопіющаго преступленія, совершаемаго передъ нами русскимъ правительствомъ надъ финскимъ народомъ, то намъ остается только со смиреніемъ и стыдомъ сознаться въ томъ громадномъ разстояніи, которое намъ еще предстоитъ пройти по пути прогресса, раньше чѣмъ слияніе съ судьбою нашей родины участи опередившихъ насъ на этомъ пути народностей можетъ перестать быть для нихъ чѣмъ-либо инымъ, нежели величайшимъ бѣдствіемъ и проклятіемъ.

Отъ насъ самихъ, и отъ насъ однихъ зависитъ измѣнить это положеніе вещей.

В. Чертковъ.

Purleigh, 22 мая 1900 г. н. с.

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Maldon, Essex, England.

		Цѣна: Р.	К.
1.	Напрасная Жестокость. *В. Черткова.* (Распродано)	—	20
2.	Голосъ Древней Церкви. *И. Трегубова.* „	—	12
3.	Помогите! Обращеніе къ обществу. *П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.*	—	12
4.	Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. *П. Бирюкова и В. Черткова.*	—	20
5.	Письма Петра Васильевича Ольховика.	—	40
6.	Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? *Л. Толстого.*	—	12
7.	Приближеніе Конца. *Его же.*	—	12
8.	Объ отношеніи къ государству. *Его же.*	—	20
9.	Царство Божіе внутри васъ. *Его же.*	1	—
10.	Христіанское ученіе. *Его же.*	—	50
11.	Гдѣ братъ твой? *В. Черткова.*	—	20
12.	Голодъ или не голодъ? *Л. Толстого.*	—	10
13.	Мой отказъ отъ военной службы. *А. Шкарвана.*	—	75
14.	Свободное Слово, № 1. Періодическій сборникъ подъ редакціей *П. Бирюкова.*	1	—
15.	Листки Свободнаго Слова, № 1. Повременное изданіе подъ редакціей *В. Черткова.*	—	20
16.	Листки Свободнаго Слова, № 2.	—	20
17.	Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Составилъ *Е. Поповъ*, съ послѣсловіемъ *Л. Толстого.*	—	75
18.	Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. — Дорого стоитъ. *Л. Толстого.*	—	20
19.	Свободное Слово, № 2.	1	—
20.	Листки Свободнаго Слова, № 3.	—	40

21. Воскресеніе. Романъ *Л. Н. Толстого.*
Первое изданіе. Три части. (Распродано) 3 —
Второе изданіе. Въ одномъ томѣ. (Распродано) 2 —
Третье изданіе. Въ одномъ томѣ. 1 25
Четвертое изданіе. Съ иллюстраціями. 4 —
Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ. 1 50

22. Листки Свободнаго Слова, № 4. „Стыдно". *Л. Толстого.* — 5

23. Листки Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. *Л. Толстого.* — 5

24. Листки Свободнаго Слова, № 6. О манифестаціяхъ въ пользу мира. — 15

25. Листки Свободнаго Слова, № 7. Мысли Герцена. — 5

26. Листки Свободнаго Слова, № 8. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 30

27. Листки Свободнаго Слова № 9. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 30

28. О сожженіи оружія. Разсказъ *Н. Зибарова.* — 30

29. Студенческое движеніе 1899 г. Сборникъ подъ редакціей *А.* и *В. Чертковыхъ.* — 40

30. Листки Свободнаго Слова, № 10. По поводу студенческаго движенія. *В. Черткова.* — 10

31. Листки Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. — 15

32. Листки Свободнаго Слова, № 12. Два письма Л. Н. Толстого. — 15

33. Листки Свободнаго Слова, № 13. Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе безпорядки въ маѣ 1899 года. — 30

34. Жизнь и ученіе Іисуса. *Л. Н. Толстого.* — 25

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

Листки Свободнаго Слова № 15. Повременное изданіе подъ редакціей *В. Черткова.*

Изъ современной жизни въ Россіи.

Свободное Слово. № 3. Повременный сборникъ подъ редакціей *П. Бирюкова.* (Изданіе швейцарскаго отдѣла).

Краткое изложеніе Евангелія. *Л. Н. Толстого.* Съ примѣчаніями его же.

Свободное Слово. № 4. Повременный сборникъ подъ редакціей *В. Черткова.*

Въ содержаніе его войдутъ слѣдующія статьи:
Мысли о Богѣ. Л. Н. Толстого. — Записки о Шлиссельбургской крѣпости Л. Волкенштейнъ (доставленныя въ редакцію авторомъ). — Обращеніе къ молодежи. П. Кропоткина. — Практическое приложеніе ученія Христа. Дж. Кенворти. — О воспитаніи дѣтей. Письма Л. Н. Толстого и другихъ лицъ по этому вопросу. — Изложеніе ученія Будды по книгѣ „The Soul of a People" Фильдинга. — Христіанскій анархизмъ. Моррисона Дэвидсона. — Объ отношеніи къ библіи. Изъ сочиненій Т. Паркера. — Библіографія и др. статьи.

Англо-русскій разговорный словарь, примѣненный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ.

Ткачи. Драма *Г. Гауптмана.* (Новый полный переводъ съ нѣмецкаго).

Похищеніе дѣтей Хилковыхъ. Свѣдѣнія, собранныя *В. Чертковымъ.*

Содержаніе: Предисловіе отъ редакціи. — Предисловіе къ неизданной книгѣ В. Ч. — Записки Д. А. Хилкова (автобіографія). — Письма о похищеніи дѣтей: 1. Письмо Д. А. Хилкова. 2. Письма матери дѣтей изъ Петербурга: О свиданіи съ генераломъ Рихтеромъ. — О свиданіи съ дѣтьми. — Письмо къ генералу Рихтеру. — Четыре письма матери о своихъ дѣтяхъ. (Характеры и воспитаніе ихъ).

Библія и ея происхожденіе. *Сандерланда.* Переводъ съ англійскаго.

Популярное изложеніе новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій о происхожденіи священныхъ книгъ.

Въ виду значительнаго объема книга будетъ выходить выпусками.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Русское правительство въ Финляндіи, *І. Н. Рейтера.* 3

Царская политика въ Финляндіи, *Нисбетъ Бэна.* 20

Финляндія и царь, *Эдуарда Вестермарка.* . 31

Послѣдствія царскаго манифеста.

Массовой адресъ и судьба его. . . . 36

Международная депутація. 45

Работы финляндскаго сейма по пересмотру Устава о воинской повинности. . . 51

Руссификаторская дѣятельность ген. Бобрикова. 59

По поводу финляндскаго разгрома, *В. Черткова.* 75

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Листки Свободнаго Слова № 14.

Подъ редакціей *В. Черткова.*

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ РОССІИ.

Содержаніе:

1. **Письмо русскаго офицера къ царю.**
2. **Притѣсненія рабочихъ.**
3. **Преслѣдованія за вѣру.**
4. **Отдѣлъ разныхъ извѣстій**, состоящій изъ корреспонденцій и писемъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Краткое изложеніе Евангелія

съ примѣчаніями

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ИМѢЮТСЯ ВЪ СКЛАДѢ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РОМАНА

Л. Н. ТОЛСТОГО

ВОСКРЕСЕНІЕ:

Изданіе третье:

на тонкой бумагѣ въ одномъ томѣ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Изданіе четвертое: на толстой бумагѣ въ двухъ томахъ съ 33 рисунками художника **Л. О. Пастернака.**

Цѣна въ обложкѣ — 4 руб.

Въ переплетѣ — 5 руб.

Пятое изданіе того же романа въ одномъ томѣ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ нашихъ изданіяхъ поправлены всѣ произведенныя русской цензурой многочисленныя искаженія текста, и возстановлены всѣ ею же цѣликомъ исключенныя главы и части главъ.